

СМЕНА

21
1958

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Рисунки В. Орлова.

В тихом предвечернем небе заблудилась розовая тучка. Лузгач подслушнул, хлопцы смотрят на нее. Красивая! Думают каждый о своем. Молчат. Где-то далеко поет радиола: «Ивские ночи, встречи в саду...»

После темного и пыльного забоя, после мрачных, серых глыб породы хорошо видеть небесные просторы и розовую тучку! Утомленные подземной работой глаза внимательно всматриваются в окружающее, острее чувствуют земную красу.

— Ну, так пойдем в клуб!

— Да ну его! Не хочется... Картина старая. На вершину маленького террикона медленно ползает крохотная вагонетка с породой. Долопала, опрокинулась. Тяжелые глыбы, подскокивая, катятся вниз. Крутятся маховики копра: один влево, другой вправо. И днем и ночью строится шахта. И днем и ночью работает здесь молодежь.

— На хочешь в кино — идемте домой. Или дотемна будем стоять?

Тучка наконец оторвалась от копра и, бледная, поплыла на восток, навстречу ночи.

— Пошли!

От клуба направились серединой улицы к общежитию, построенному специально для прибывших на строительство шахты «Комсомолецкая». Настроение у хлопцев неважное, поэтому они идут молча.

У Миколы Бурачка широкие плечи, жесткая рыжеватая шевелюра, большие, всегда почмученно красные уши, маленькие вешушки на мизинце с седловиной носу. И хотя самому Миколу хвалят его голубые глаза, он считает себя бледным, темно некрашиваемым и старается реже заглядывать в зеркало. Микола ступает твердо, широко, не спеша. Такой он и в шахте и дома.

Вита Зайченко только по плечу Бурачку. Спортом занимается, аппетит прекрасный, а не расстает. Поэтому у Виты большие неприятности в жизни: девушки дразнят дошкольником, а на серьезные его признания отвечают смехом. Вита заводит широченным плечам Бурачка и каждое утро по пятьдесят раз поднимает гантиль. Василь Полторадия — парень как парень. И ростом вышел, и красы в меру, и на работе не последний. Но и у Васи есть беда. В особо ответственные минуты, когда надо говорить — и не просто, а с чувством, — язык его камееет и не двигается. Тогда на покрасневшем лбу появляются капельки пота, а в глазах довлеет невыразимая мука.

Если бы могла расступиться мать сыра земля, Василь Полторадия уже не раз провалился бы своим нею.

Что касается Андрея Микитаса, то он неудачник. Не везет Андрюю! Он работает крепильщиком и пишет стихи про любовь. Стихи получаются длинные и печальные: в них льются слезы тоски и душевного смутения и не движется.

Идут хлопцы, гурьют семечки и не стоварииваются, поворачивают в улочку направо, хотя дорога в общежитие прямо. Так просто поворачивают: делать же все равно нечего! Чем дома сидеть, лучше на свежем воздухе погулять.

И не больше серые глаза в длинных ресницах, черные брови и яркие насмешливые губы. Она невысокая, чуть повыше Виты Зайченко, и проворная, как весенняя вода.

Идут хлопцы, гурьют семечки и не стоварииваются, поворачивают в улочку направо, хотя дорога в общежитие прямо. Так просто поворачивают: делать же все равно нечего! Чем дома сидеть, лучше на свежем воздухе погулять.

И не больше серые глаза в длинных ресницах, черные брови. Она живет на этой улице, немного дальше, в девичьем общежитии. Она хорошая и бесцеремная. Вот не пришла вчера в кино. Почему? Эх!

— Ганька! Открой, Ганька! Слышишь!

Тяжелые удары кулаком в дверь. Хлопцы останавливаются, смотрят друг на друга. Потом Бурачок, а за ним все спешат к общежитию девушек.

— Ганька!

Оловянный кулак снова колотит в дверь. Раздается грубая рыль. И опять:

— Ганька! Открой, Ганька!

Увештая рука Миколы опускается на плечо парня, барабанившего в дверь. Исходные, жесткие пальцы мнут пиджак. Под коротким рукавом Миколойной тенниски взбухают мышцы. Кажется, легонько потянул к себе, а па-

рень отлетел от двери, упал на клубу, а потому. Лежит, часто-часто хлопает глазами и никак не может подняться, что случилось.

Все четверо подступают к нему. У всех четверых сияют глаза. В глазах гнев и решимость. Ганю оскорбляют! Их Ганю!

— Вставай!

Медленно поднимается, отряхивает брюки и смотрит не со страхом, не то с удивлением. От него несет водкой. Чуб расправлен, рубашка распахнута: когда Микола потянул, все пуговицы отлетели. Он понемного прихдит в себя. Все его знают. Это Володька Кушнин — проходчик со второго участка.

Василь размыкается, но Микола отводит его руку, сам берет Володьку за грудки:

— Ты как посмел!

Володька, тоже здоровый, откиивает Микола

— Пусти! — Разлагивает ладони. — Посмел, значит. — Улыбается глыно. — Крик! Как-то? Четверо? На одного! Беите, буду даны давать.

Голос Володьки трезвеет. Страх в нем нет.

— Руки пачкать... В глазах Миколы такое, отчего Володька перестает пошатываться.

— Ганю. — Такими словами!

— Как посмел! — воробьем налетает Вита Зайченко.

Володька кое, одним глазом, сверху вниз смотрит на него. Молчит.

— Чего нукаешь! — Красивый Володька делает шаг, вплотную подходит к некрашеному Миколу, говорит трезво: — Знать хочешь! Ну, слушай. Давно вижу: на Ганьку поглядываешь. Хлопцы сейчас мне сказали, что ты у Ганьки. Поверил. — Коротко смеется. — Эх! Поверил. — Снова хмельным голосом: — С такой фотографией... Хал!

Микола как-то сжимается, отступает на шаг. Навздаль или зашидается — никак не поймаешь. Глаза-щели льнут огнем. Андрей Микитас деловито спрашивает Володьку:

— В морду хочешь!

— Василь Полторадия обещает:

— Дадим!

— Бресте, ну его! — Микола сразу катко блекнет, поворачивается и, опустив плечи, уходит. За ним идут Вита, Василь и Андрей.

— Что здесь происходит! — На дорожке легкая фигура Ганя. В руках книги: шла из вечерней школы. Удивленно смотрит, как мимо нее молча проходит четверо. Не остановила, не расспросила. Подбежала к Володьке. Превозит густые сумерки ее волос. Парни слышат:

— Володька, что здесь случилось!

И спойнойной, ленивым голос Кушнина:

— Да ничего. Не сидится хлопцам, тебя навешать пришли.

— Очень нужно! Заидешь! Или тут посидим! Молча идут четверо. Думают. Если бы Ганя знала, какими словами Володька обзывал ее минуту назад! Да разве не знает она, какой он! Знает, ее знает. А вот не к ним подошла, а к нему. Его расспросила, его назвала Володькой. Почему так? Где правды на свете!

— Позади — чмок! Мелкой смехом, от которого сердце останавливается.

Микола взглянула на далекую звезду.

— Пошли спать, хлопцы. Завтра авставай рано.

Июньская ночь коротка.

Утром в нарядной у всех одинаковая одежда: черные ингушские «шахтеры». Прошурьшая бразентом Ганя. Удье успела выматиться: на рубашку, нежной щече — черная углящая полосушка.

— Зарастывает, хлопчики!

Како-то мгновение рассматривает их хмурые лица. Они кивают молча. Не обрадовались, как это было всегда. Поляна. Улыбнулся и пошел дальше.

От своей бригады отделяется Володька Кушнин. Боком как-то подходит. Виноватая улыбка блуждает по лицу.

— Привет!

— Дорогой — нехота, сквозь зубы. И снова о своем разговаривают. Володька стоит и попрежнему виновато улыбается.

— Микола!

— Ну!

— Ты извини за авчерашнее. Злой был... А мне что? Ганя повтори, что вчера говорил.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал Центрального Комитета ВЛКСМ Ноябрь. № 21. 1958 год.

Год издания 35-й

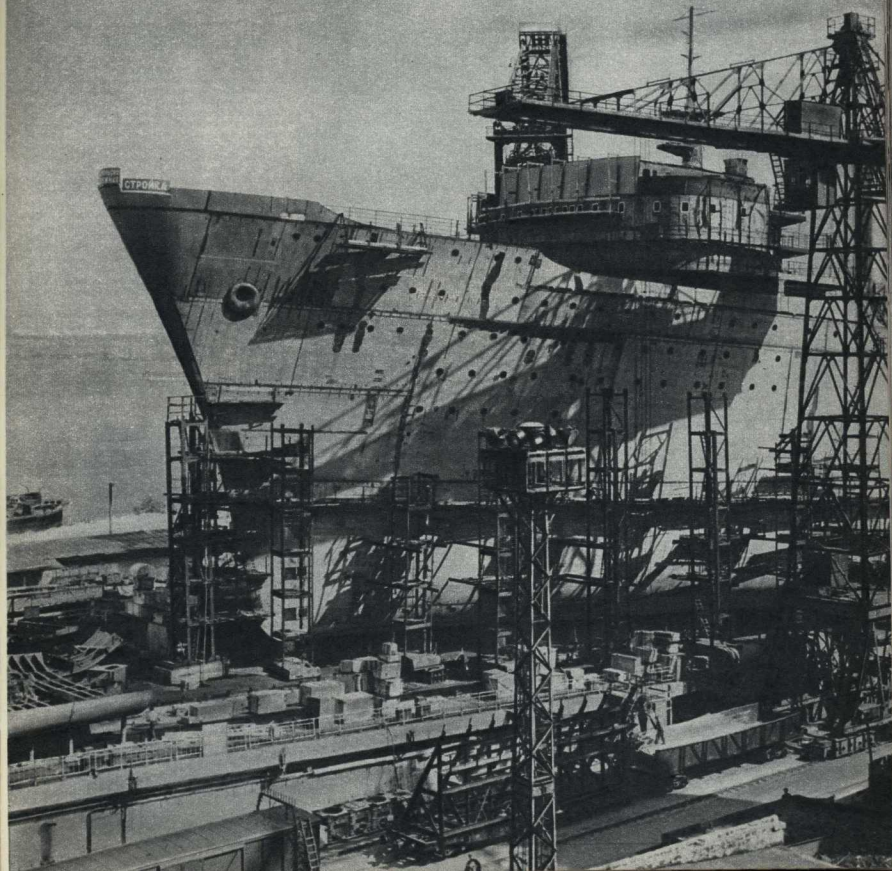
(Продолжение на 2-й странице.)

НАВСТРЕЧУ XXI СЪЕЗДУ КПСС

На Николаевском заводе имени И. И. Носовича сооружается флагман лубочной флотилии — «Советская Украина». Несколько месяцев назад комсомольцы завода взяли шефство над строительством корабля. Десятки молодежных бригад включились в борьбу за досрочное завершение строительства «Советской Украины». На всех важнейших участках были созданы комсомольские посты.

«Эти дни николаевские судостроители несут трудовую вахту. «Каждый успех, каждая производственная победа», — говорит комсомольцы завода — это подарок Родины в честь предстоящего XXI съезда нашей родной Коммунистической партии».

Фото В. Леонова.

ЧЕТВЕРО

Окончание. Начало
см. на 2-й странице
обложки.

И ПЯТЫЙ

— Да, да, ей повторю,— кивают головами хлопцы.

Володька покраснел, стиснул зубы. Стоит, чего-то жедет.

— Ну, чего стоишь? Мы не скажем, не боись.

Володька вдруг резко поворачивается, пропалкивается сквозь толпу и через минуту уже стоит рядом с Ганией. Глаза у нее округлились, она ничего не понимает.

— Ты думаешь, я боюсь, поэтому извинялся? Ну, так, чтобы ты не думала, слушай! — Смотрит на Ганию, глаза злые, сам бледный.

— Ганя, вчера хлопцы наварили мне, что ты... что ты с Миколой, словом. Я поверил. Побежал и тебе. Был в двери кулаком и... всякие таме слова... Переодиху, победил еще сильнее, взглянул мельком на Миколу... Про тебя всякие такие слова. Вот, все...

И исчез в толпе.

Все четверо растерялись. Всем так неудобно, что лучше бы провалились. Все смотрят на Ганию, которая тоже поблела.

— Спасибо!

И Ганя тоже исчезла. И получилось, как будто не Володька, а они виноваты.

— Черт, как получилось, хе-хе-хе! — Андрей возится с аккумулятором.— Очень нехорошо получилось.

— Что плохо, то плохо.— Василь хочет что-то стереть с лица и оставляет на нем масляную полосу.

— Нехорошо,— соглашается Микола.

Вита Зайченко молчит.

Никто об этом не говорит, но чувствуют все: в глубине души появляется вместо былой неприязни уважение к Володьке Кушнiru. Выходит, он парень ничего.

Умолкает разговор. Начинается пятиминутка. Начальник строительства комсомольско-молдавской шахты и главный инженер коротко рассказывают о том, что сделано. Винювники недоделок получают нагоний. Потом— задания на смену, по участкам, бригадам. Все обычно, как вчера, как будет завтра.

— Вчера мы неплохо поработали, товарищи! — говорит начальник шахты.— По-мамаевски поработали. Пройдено карьерага и штрекс намного больше плана.

«Эх,— думает Микола,— плохо получилось! Теперь все. Теперь и Гане не подходи...»

— Проходчики товарища Кушнirа прошли три и шесть десятых метра штрекса.

«Кушнirа? Какого Кушнirа? — спохватывается Микола.— Это ж Володька!»

— Можно пройти больше! — Микола удивляется собственному голосу: чужой и непослушный.— Можно пройти пять метров!

Все смотрят на Миколу. Тишина. Начальник что-то обдумывает, потом спрашивает:

— Что для этого нужно?

— Обеспечить лесом и порожняком, чтобы проходчики не бежали ни за тем, ни за другим.

И чтобы начальник горного цеха людей доставлял как следует.

Вита Зайченко толкает Миколу локтем в бок:

— Даурел!

Но Микола смотрит мимо него — решительно, не изменяя позы. Слово сказано, а слово не воробей. Все слышали.

— Считаю, что пять метров можно дать! Никто не знает, что скрывается за этим вызовом. Никто не догадывается, почему маленькая девушка, машинистка завтролова Ганя так выпелилась пальцами в скамью, на которой сидит. Никто не заглядывает ей в душу, а только она знает, что это не просто соревнование двух проходческих бригад, что это — соревнование двух парней, которые любят одну девушку.

— Поддерживаю,— говорит начальник строительства и кивает головой.— Кириллоу обеспечить проходчиков всем необходимым и как следует распределить подсобную силу.

Пятиминутка окончена. Стоя в калит, вплотную друг к другу, трое смотрят на четвертого.

— Кто тебя за язык танул!

— Итого же ты высокнул!

— Что кланчим? Можно же пройти! Можно!

Круточки света шарают по неровной поверхности выбоф. Порода твердая, как гранит. Гудят и скрежещут перфораторы. Их гул разносит по темным штрексам. Летит пыль, оседая на лицах, на зубах. Перфораторы вгрызаются в породу, пробурывая глубоные шпурсы.

— Увидим! — цедит сквозь зубы Микола и сильнее нажимает на рукоятку.

Чтобы пройти за смену пять метров, надо сделать два цикла: пробурить шпурсы, заложить патроны, вывезти после взрыва породу, поставить крепь и снова повторить все сначала.

— Увидим! — цедит Микола и кричит Вите Зайченко: — Галлопа! Чтобы порожняк был своевременно!

Свет от Витиной лампочки мелькнул по стенам крепления и растял в черном мраке.

Перфораторы гудели. Выдымалась пыль. Порода не хотела сдаваться. И все же бригада Микола Бурачка обогнала бригаду Владимира Кушнirа. И так пошло изо дня в день. Одна бригада пройдет сегодня больше, чем вчера, другая ее обгонит.

Потом их фотографировали. Отдельно Володьку и отдельно Миколу. После этого в областной газете появились фото: на фоне копра они стояли рядом и улыбались. Микола увидел — глазами своим не поверил. Когда приехал корреспондент какой-то другой газеты, он показал ему фото.

— Как это получилось? Я никогда рядом с ним не стоял.

Корреспондент улыбнулся и объяснил:

— Очень просто. Делается сначала фон, копер в данном случае. Потом фотографируют вас, еще кого-то, потом фон вырезают и наклеивают на фон. Вот и все!

— Вырезают!

— Ну да!

— Наклеивают!

— Да.

— А вы знаете, что я с ним не хочу вместе стоять? — зло спросил Микола.

— О! — Корреспондент даже пристал от удивления. — Такие передовики!

— Ну и что же, что передовики! А стоять рядом с ним я не хочу!

Кашлянул Вита Зайченко. Кашлянул Андрей Минятас. Кашлянул Василь Полторадя.

— Как же! — растерялся корреспондент. — Я же хотел очерк о вашей дружбе...

— Устал без очерка. Позво те только последние покажете.

А через месяц Володька и Микола сидели в президиуме собрания, на котором говорилось об их успехах. Они сидели в самом центре лавки и плечу и смотрели на парней ряд, где — тоже в центре, как раз напротив них, — сидела Ганя. Она внимательно слушала секретаря партийного бюро, который очень много хорошего говорил о Володьке и о Миколо. Их наградили ценными подарками. Они поднялись и молча пожали друг другу руки. Потом сели и снова отвернулись друг от друга.

Вышли из клуба, когда уже было темно. Володька, Ганя и еще несколько парней и девчат — в одну сторону, Микола, Вита, Василь, Андрей — в другую.

Когда они остались одни, Вита Зайченко остановил друзей:

— А знаешь что, Микола?

— Ну? — Микола знал, что именно хотел сказать Витя. Насулился.

— Пора кончать эту историю.

— Какую историю? — Микола вытщипал папиросу, покрутил между пальцами, подул в мундштуг, крепко зажал зубами.

— Какую? Не знаешь? С Володькой. Действительно, выходит так, вроде мы по злости соревнуемся. Ей-Богу, можно так подумать!

— Правду Витя говорит. — Василь тоже закурил. — Как маленькие дети.

— Это что же по-вашему? Простить ему да?

— А что простить? Он же извинился перед тобой! Извинился. Перед всеми нами извинился.

— Ну и что?

— А то... Словом, Володька — парень что надо, и ничего нам в обиженных играть. Сам так думает.

— Ничего не думаю!

— Не ври, по глазам вижу!

— Хорошо, — сдается Микола, бросил под ноги папиросу и затоптал. — Кончать так кончать. Пошли!

— Куда? — оторопели трое.

— Кончать историю. Пошли! Ну, чего тарачишься? Пошли к Володьке!

Четверо шли серединой улицы. Высоко в небе в такт шагам колыхался серебряный месяц, ала-отрава, ала-отрава... Деревья, запыленные молоддые есени по сторонам дороги.

Хлопцы шли молча. На душе было тревожно и радостно. Почему? Кто его знает, почему. Очевидно, потому, что пятый друг — во всяком деле подмога, а сейчас они шли за пятым другом.

Свернули в улочку направо. Давно не ходили этой улочкой. Сейчас узнавали деревья, заборы, дома. Вот камень отропый на краю дороги. Значит, следующие здание — девичье общежитие, а еще через два — Владимиров дом. В окошках общежития огоньки. Остановились. У каждого в сердце шевельнулось что-то далекое, теплое... Их четверо. И Володька пятый. А у девушки одно сердце, и сердцу этому не прикажешь.

Прошли мимо общежития. Зашли на Куширов двор. Мать снимала с веревки одежду и вносила ее в хату.

— Здравствуйте! Володя дома?

Старушка остановилась, присмотрелась.

— Нету... На собрании в клубе. Заходите, хлопцы, он, наверное, скоро придет.

— Да нет, спасибо.

Вышли на улицу. Направились дальше, за поселок. Чем дома сидеть, лучше на свежем воздухе погулять.

— Надо будет начальнику пожаловаться, — проговорил вдруг Василь Полторадин, как будто это сейчас было самым главным.

— О чем? — спросил Витя Зайченко.

— Да насчет поросенка!

Вышли за околицу. Занятая лунным светом, лежала перед ними волнистая, уже выцветшая и порывившаяся донецкая степь. Далеко на горизонте мигали огоньки, смутно виднелась ладья террикона соседней шахты. Тихина. И не очень красивый край — степь да овраги, а свой, родной, шахтерский. Шли, любовались да думы думали.

Поравнялись с кустами, остановились, затаяв дыхание.

Почти рядом — Володькин голос. И Ганей. И говорит Володька Гане те слова, которые сказал бы ей Микола Бурачок. И Витя Зайченко. И Василь Полторадин. И Андрей Микитиш. И оттого, что подслушали, какие хорошие слова, немного неудобно стало, как будто внезапно вторглись в чужое, само заветное. Где-то в глубине души закипал протест: почему Володька? Почему не Микола? Не Витя? Не Василь? Не Андрей? Чем каждый из них хуже? Но это делало какую-то минуточку. Микола сгреб своих друзей, подтолкнул в направлении поселка.

Долго шли, боясь шумно ступать. Потом с улыбкой кто-то тихо сказал:

— Завтра закончилась история.

— Четверо не спеша пошли и холостяцкому общежитию, оставив пятого с Ганей.

Пусть светит им серебряный месяц...

Перевод с украинского
А. БЕЛАНОВСКОГО.

Анатолия ПРЕЛОВСКИЙ

Фото В. Руйковича.

Ангарск

Мы среди улиц деревья сажали,

Но малютки-деревья лишь

Через двадцать лет

Доставали

До черты коммунальных крыш.

Двадцать лет

Для эпохи малых,

Для строителей долгой срок.

Мы обычай старый спомали,

Строй этот соцгородок.

Поглядите, милости прошой!

Вот наш город — мечта родня.

Он пророс

Выше леса меж берез и сосен,

Выше леса меж берез и сосен,

Выше леса меж берез и сосен,

Выше леса меж берез и сосен,

Выше леса меж берез и сосен,

Выше леса меж берез и сосен,

Выше леса меж берез и сосен,

Выше леса меж берез и сосен,

Выше леса меж берез и сосен,

то ли сосны отдамы

Городку,

то ли город — им,

Если бродят они с пешеходами

По проспектам его прямым.

На дне морском горят костры

На дне морском горят костры.

Пронят воздух дымом синим.

Кедрач. Рева. Дома. Кусты.

А моря нет еще в поиме.

На дне морском горят костры.

Смола сверкает в свежих срезах.

Как береза чистит от коры,

Так очнают дно от леса.

На дне морском горят костры.

Рука огня по губам шарит.

Уходят в глубь тайги козлы,

Подальше от людских понарич.

На дне морском горят костры.

И человек в труде упорен,

И топоры его остры.

Поднялись лес!

Да будет море!

На дне морском горят костры.

Труо

Ранний ветер над лесом вышил

Облаков голубую кайму.

Пасоруб на работу вышел —

Сосны

падают

в ноги

ему.

ВЕЧЕРНИЙ ФАКУЛЬТЕТ

Фото А. Удлина.

Ирина Копти пришла на завод после десятилетия. С первых же дней работа увлекла девушку. Если Ирина обладает чем-нибудь новым, она обращается за советом и бригадир Людмиле Барбис. Недавно Ирина стала студенткой вечернего факультета. Ведь многие на заводе работают и учатся. Одно другому не помеха!

Сейчас уже трудно вспомнить, кто был инициатором создания на таллинском радиозаводе «Пуане РЭТ» вечернего факультета автоматики и телемеханики. Об этом как-то сразу заговорили многие: и секретарь комитета комсомола Тина Родз, и молодой технолог Эли Росс, и монтажница Тамара Павлова, и инженер-конструктор Леонид Волгин.

Сначала написали в Москву, в Министерство высшего образования. Долго ждали ответа (статьи сказать, он так и не пришел) и наконец решили действовать сами. В Таллинский политехнический институт отправилась делегация. Директор института Л. Л. Шмидт охотно пошел навстречу желаниям молодежи. Было реше-

но: институт даст опытных преподавателей, завод подыщет помещение. Вскоре заводское радио разнесло по всем цехам весть: открыт прием на вечерний факультет автоматики и телемеханики.

Месяц спустя более ста молодых рабочих собрались в большом зале. На трибуну поднялся директор завода Виктор Иванович Этт. — Это было в 1931 году... — начал он свое выступление.

Зал притих. Виктор Иванович рассказал о том, как, работая на заводе «Линотип», он поступил на вечернее отделение Ленинградского политехнического института. То была трудная и знаменательная пора — период реконструкции, — когда техника решала все, когда стране нужна была огромная армия высококвалифицированных специалистов. Тысячи коммунистов и комсомольцев пошлИ по путевкам партии и комсомола на рабфаки и в вузы. Наука давалась нелегко, ее брали штурмом, словно крепость. Овладесть наукой — таково было задание партии. В стране появились заводы-вузы, каких еще не было в мире.

Шесть лет назад поступили на вечернее отделение Таллинского политехнического института рабочие-судоремонтники Николай Смажковский, Генрих Гутман и Борис Славин. Скорее каждый из них получит диплом инженера.

НЕ ПОГАСНЕТ!

ЛУЧШЕЕ ОТ КАЖДОГО — КОЛЛЕКТИВ,
ЛУЧШЕЕ ОТ КОЛЛЕКТИВА — КАЖДОМУ

«ЧЕГО ТУТ ХИТРОГО?»

Это движение зародилось на одном из Киевских заводов давно, около двух десятилетий назад. Его назвали коллективным опытом. Слово живое огоньк, оно перекинулось на другие предприятия страны. Но война помешала широкому распространению ценного опыта.

Казаось, суровое время борьбы с врагом навсегда погасило огоньк, разгоревшийся в предвоенные годы. Но нет, огоньк не погас. Он вспыхнул с новой силой, и миллионы людей уже называют себя коллективноопытными.

Однажды секретарь комсомольской организации московского завода «Армука» Николай Жигов пришел в цех и коротко, как умел, рассказал товарищам о сущности коллективного опыта.

— Понимаете,— пояснил он, — тот, кто лучше все выполняет операцию, показывает себя первым в том цехе. Потом дойдут опыты второй, третий...

Кто-то из ребят усмехнулся: — Вот еще, Америку открыл! Подумайте, опытом обмениваться! Чего тут хитрого: подошла и спроси!

«Подошел и спросил!» — именно эта фраза напомнила Жигову один забытый случай.

Ему нужно было изготовить пуансон — верстачню, рубящую часть штампа. Но всякий раз прокатный металл рвался при закалке. Покрасневший, стыдясь своей беспомощности, Жигов подошел к опытным рабочим и говорил: — Что-то не получается. Не понимаю я...

— Да тут и понимать нечего! — пояснил им печным старшим. — Нагрей деталь до вишневого цвета, окуни в воду — и все дела.

Жигов был ошеломлен этой операцией, раскаялся в том, что вишневого цвета, окуная в воду, и на металл снова появлялись косые линии трещин.

Может быть, и до сегодняшнего дня болел бы Жигов этой «проклятой» операцией, если бы кто-то один из рабочих, доведенный до отчаяния расспросами парня, не сватал пуансон и не показал, ему надо делать. Все было так, как объяснял. Все, кроме одного: нагрева до вишневого цвета и окуная деталь в воду, рабочий еще раз нагревал ее и снова окуная.

— А это зачем! — спросил Жигов.

— Вот чудак! Да ведь самое главное — отпустить металл! Так и получилось: сто раз обжигая, стократно, а с омерзением умалчивал. И умалчивал...

ли не потому, что не хотели раскрывать секрета. Нет, просто такая «мелочка», как вторичное охлаждение детали, была сама собой разумеющейся...

Посоветовавшись, комсомольские инструментального цеха решили провести первое занятие. Венером после смены Владимир Петров, Эдуард Цыгинов, Николай Жигов, Вячеслав Чуваков, Николай Колчев и Анатолий Литвинов собрались в инструментальный цех. Это были парни с разными степенями и разной квалификацией. Петров, например, работал на заводе уже двадцать лет, а Литвиновым — несколько месяцев. Кому-то из них предстояло сейчас выполнить одну операцию — заточку по сверлу. Не пригласили на это занятие ни инструкторов, ни инженеров, ни мастеров. Ребята сами определяли качество работы и тут же выносили оценочный вердикт.

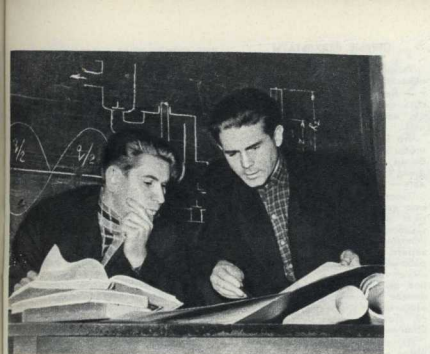
И вот последнее сверло легло на стол. Петров получил четверку с плюсом, работу Цыганова и Жигова — тройку, а работу остальных — на тройки и даже на двойки. Один Анатолий Литвинов не получил отметки: он и не пытался соревноваться с более опытным товарищам.

ПОЛУЧИЛОСЬ

Много вопросов встало перед десятникским комсомольцем в жизни. Куда пойти? Как лучше применить свои силы? На каком предприятии можно больше принести пользы людям?

После недолгих, но мучительных колебаний Анатолий Литвинов пошел на производство, на московский завод «Армука». Он пришел сюда не из любопытства, чтобы «обтестать» в цехе положенные два года, а потом «махнуть» в институт, как подумывали некоторые его товарищи по школе. Нет, он твердо решил приобрести специализацию, научиться ремеслу.

«По вечерам, когда Анатолий возвращался домой, его встречали мать и братишка. Мать сунулась возле плиты, накрывая на стол, брат, не отрывая глаз от потемневших рук Анатолия, забрызгивал его вопросами... Но если бы знали они, как много радости пока еще приносили ему трудовые будни! Прошло несколько месяцев с тех пор, как Анатолий пришел на завод, а чему он научился! Переосмыслил его и опытного рабочему, но тот в первый же день заявил: «Смотри и учишься, если хочешь», а рассказывать да обучать мне некогда. Я на свиданиях с ними умалчивался». «Неумел ты сам не можешь додуматься! Двадцатилетку кончил,

Два часа назад Калыо Ягер и Константин Назаров трудились в цехе, а сейчас они обсуждают курсовой проект.

в армии и снова вернулся в цех. Опытный рабочий, лучший рационализатор цеха и завядый любитель радиоспирта. Многие коротковолновые любители уже знают радиостанцию Анатолия Моторного, которую он собрал недавно.

— Не так уж трудно работать и учиться! — говорит юной женщины, студентка вечернего факультета Софья Полова.

Хорошо изучила свою профессию и монтажница Софья Полова. Одним словом, все студенты вечернего факультета выбрали специальность ее slučaju: она полюбила ее на производстве.

Планы у ребят такие: год три они будут соиздавать занятия с работой, а потом перейдут на очное отделение института. Впрочем, не все: кое-кто намерен оставаться на заводе до конца учебы.

Ведь кончат же и черные отделение Политехнического института рабочие-судоремонтники! В июне будущего года защитят дипломные проекты слесарь-монтажник Константин Назаров, мастера Калыо Ягер, Александр Сидоров и Николай Смажеский, бригадир Генрих Гутман, техник Борис Славкин и многие другие. На производство, на свои новые командирские должности они придут не только с дипломами, но и с большим ценным опытом, вооруженные подлинным знанием дела.

В. ПРИВАЛСКИЙ

— Мы шли в вузы с заводов, фабрик, строек... продолжал директор. — Мы знали производство, как свои пять пальцев, и в любую минуту могли стать к станку, показать новичку, как надо работать.

На нашем заводе мы не раз видели студентов-практикантов. Мы заместили, конечно, что многие из них не умеют держать в руках даже паяльника, с трудом разбираются в рабочей схеме измерительного прибора. Для нас же это пожевеловые, привычные. Нам будет легче: вы знаете свое дело...

Чуть ли не на следующий день после собрания на заводе открылся курс по подготовке в вуз. Их организовал комитет комсомола. Во всех цехах ребята только и говорили, что о синусах да косинусах, доказывали друг другу теоремы, находили «писки», перечисляли «Евгения Онегина», «Как закалялась сталь» и другие произведения. Труды не пропали даром: сорок два молодых рабочих, сдав экзамены, стали студентами вечернего факультета.

— Сорок два! Много это или мало? Ведь вначале желающих было больше ста! Что ж, кое-кто не выдержал экзамена, решил отложить учебу на год — ведь учиться никогда не поздно.

На заводе к первокурсникам отнеслись заботливо. Директор издал приказ: всех студентов перевести на работу в дневную смену. А как приятно было прочесть первое расписание, появившееся в проходной: анализировать геометрия, физика, основы марксизма-ленинизма, иностранный язык! Студенты-рабочие с удовольствием вспоминают об этом.

Студенты-рабочие! Дней вы увидите их в цехах сложившимися над рабочими столами. Вот сидят регулировщик Владислав Пурро, секретарь комсомольской организации — Анатолий Моторный. Он окончил десятилетку и пошел работать на завод. Сейчас у него четвертый разряд, и он зарабатывает 800—900 рублей в месяц. Работает с ним — Анатолий Моторный. Он окончил школу в 1954 году. Поступил на завод, потом служил

Не отрывая глаз, смотрит Эдуард Цыганов на резец. Пройдет несколько минут — и он снимет со станка готовую деталь.

Фото Г. Дубинского.

ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Увеличился коллективным опитничеством и в других цехах.

— Как не увеличился — усомнились скептики — если комсомольцы наследуют так, что проходу нет!..

Что ж, на то они и скептики, чтобы вернуть и усмехнуться. А рабочими новое дело пришлось по душе. Их не надо звать или убеждать — идут сами.

Писатель Всеволод Вишневский еще десять лет тому назад говорил: «Вы, коммунисты коллективноопитники, хотите обогатить человеческую трудовую опит; вы верите, что и ученик, и средний рабочий, и подмастерье всегда имеют что-то с о в, индивидуальное, ценное... И вы хотите все это ценное послать по округе — «всем-всем и послать, кроме того, этот опит снизу в верх. Отлично!»

Да, движение коллективноопитников зародилось еще до войны. Но суровые испытания, выпавшие на долю советского народа, заставили на время забыть о замечательном деле. И вот это движение развертывается с новой силой. Сейчас стало ясно, что коллективному опитничеству суждено на долгие-долгие годы. Уже можно увидеть и первые результаты. В инструментальном цехе завода «Армуз», например, в ящиках всегда валялись груды исторических резцов и сверл. Только в одном, этом маленьком цехе за год вываляло из строя около шести тысяч сверл. Сверло, которому положено жить около месяца, уходило в жизнь последние — трех дней работы. Конечно, рабочие ругали «Фрезера», где изготовлялись сверла и где, по мне-

нию армузская, никак не могли наладить выпуск хорошей продукции...

А загляните-ка в инструментальный цех сегодня! Ящики пусты. Значит, дело пошло не в завод «Фрезер». Просто армузские научились правильно заготавливать инструмент, и это сохранило немало материалов и армяков.

В малерном цехе завода выжили и сделали достойным всех рабочих наиболее рациональный метод шпаклевки автобусов, нашли более удачный способ снятия старой краски с кузова. Производительность труда сразу же повысилась на двадцать пять — тридцать процентов, увеличилась экономия, поднялась общая культура труда. На многих предприятиях Кировского района Москва десятки школ-бригад регулярно проводят занятия по передаче коллективного опита. То тут, то там проносятся это еще не обжитое слово — «коллективноопитники», и забытое начинание, подобно живому, горячему пламени, распространяется все шире.

Новое дело удивительно просто и универсально, оно может применяться где угодно, во всех отраслях промышленности. Подсчитано, что если коллективное опитничество распространится по всем нашим предприятиям, это позволит поднять производительность труда в стране на десять — пятнадцать процентов. А это сотни миллионов сверхпланового угля и нефти, десятки тысяч новых колесных и автомашин, тысячи тонн сахара и пшеницы, миллионы книг и часов, нескончаемый поток изделий, которые сделают нашу жизнь еще красивее и богаче.

М. ЧЕРКАССКИЙ

лучше нас разбираться должна. Анатолий терзался...

На первом занятии опитников паренек стоял в стороне и, на первый взгляд, не принимал участия в соревновании. Но только «на первый взгляд». Когда Владимир Петров, получивший высокую оценку, стал на время инструктором и подробно, без утайки начал показывать товарищам свои приемы, Анатолий, выискивая, худощавый, встал вперед и, затане дыхание, старался не проронить ни одного слова, не пропустить ни одного движения. Здесь все для него было откровением и то, что заглянула часть сверла должна быть ниже режущей кромки, и то, что «впередешка» положено развернуть на семь градусов, а угол между режущими кромками делать равным ста восемнадцати градусам...

После занятий в инструментальном цехе еще долго горел свет и слышался скрижет металла. Анатолий решил проверить, усвоил ли он науку друзей. Он заточил первое сверло, критически осмотрев его и отложил в сторону: это был брак. Потом взялся за второе, за третье... Брак, брак, брак!.. «Неужели не получится?» Анатолий сделал еще одну попытку. «Ага! Получилось! По-уничиса!» Он даже оглянулся — слова надеясь увидеть кого-нибудь из ребят...

Через два занятия ребята снова заточивали сверла. Но всеобщему удивлению, Анатолий выполнил работу лучше всех, даже лучше самого Петрова!

Усталый, довольный, возвращаясь он в тот день домой. Все было, как обычно: улица, машины, трамвай, дома... Но что-то хорошее-хорошее звенело у парня в душе. Он улыбался, вспоминая удавшиеся взгляды товарищей.

Да, большое это дело — коллективное опитничество. Через

месяц Анатолий освоил и токарный, и фрезерный, и шлифовальный станки, начал приносить домашней уже не две сотни «ученических», а восемьсот трудовых рублей.

ОБСУЖДАЕМ
СТАТЬЮ
«ПЛОШКОИН
ОТ КУЛЬТУРЫ»

ЧЕТ, НЕ ИНТЕЛЛИГЕНТ!

ПРИНОСИТ ПОЛЬЗУ ЛЮДЯМ

Статья «Плошкоин от культуры» («Смена» № 17) — это блестящие, длинные отрывки читателя нашего журнала. Вопросы, поднятые в статье, вынесенные на суд общественности, одинаково волнуют и интеллигов из Академии наук, инженеров, и череповского рабочего И. Плещинского, и заслуженного врача РСФСР С. Казакова, и академика И. Каляева, и багинского студента В. Пчелинцева, и многих коллег других.

«Очень хорошо, что вопрос о доле интеллигента в нашем обществе поставлен», — пишет преподаватель Ленинской семилетней школы Е. Тернов (Брянская область). — Или ни печально, но Плошкоин от культуры еще не существует. Ковальский не один. Людей вроде Ковальского можно встретить среди интеллигентов, в том числе и сельских. Некоторые учителя, работающие на селе, переименованы заботливыми в школе, считают, видящего, что знания, полученные в институте, предназначены только для проведения уроков... Они стараются поменьше общаться с колхозниками, стараются избегать их, потому что, отцы и матери таких ребят, как правило, неграмотны и хитры. Не удивительно поэтому, что интеллигентные родители не пользуются в народе авторитетом». С возмущением говоря о поведении Ковальского, Плошкоин приводит примеры, когда и на призыве в армию, и на приеме в институты Плошкоины от культуры «год назад в сельском районе чеку Кузнецова» — талантливый молодой человек проходил гранту студентом в институте в г. Ганноуристане. Однако, разговаривая с рабочими, он заявил «Работаю так, как вы хотите, чтобы собирались. Зачем мне учиться, если потом мне придется выесть? Иначе не буду, мне же став специалистом, инженером, уже зарплате страховал себя, а образованием я владею как с простым рабочим человеком». Другое дело, что интеллигент будет многого от того, что составляет сущность характера Ковальского.

А вот что пишет Рина Азатова, секретарь комитета ВЛКСМ Кузнецкой районной Фабрики (Гатчинский АССР): «В 1956 году на нашу фабрику приехали молодые специалисты-электрики, выпускники Иланского техникума легкой промышленности в г. Рязани, и Салих Шагинмуров. Салих сразу же включился в молодежную колонию, стал активным участником художественной самодеятельности, помог и мне в работе, талантлив. А Геннадий, увидевший хорошо себя в гитарах, в концертах не принимал участия в общественной жизни. Мы изобразили его в комитете комсомола, надеясь, что ответственность перед товарищами худсовет будет своею. Своим отношением и интеллигенту. Но мы обиделись Геннадий не только не организовывал молодежь, но и не интересовался делами комсомола, но и не участвовал в этих делах. Участвовать в воскресных делах него было зарисован занятостью, но в субботу, воскресенье не по душе. Выступать в концертах он не хотел. В этом году он назначили даже заместителем начальника электромонтажного цеха. Работа была ему молодой человек Геннадий Родигин худсовет проделал своею. Своим чужим в среде молодых рабочих фабрикан».

Восхищенные читатели пытаются оправдать поведение Ковальского. Так, москвиче студентки Г. Шевченко и В. Митрофанова в редакцию заявляют, что А. Герберовскико, усердясь Ковальского за нежелание передавать свои знания другим. Но, с другой стороны, не надо забывать, что статья «не учитывает то обстоятельство,

В пору юности мы учествовали с Иваном Карасевым, и моим другом соседних деревнях — Курганом и Дмитриевым. Каждую субботу после уроков, взяв ружья, отправлялись в лес, бродили остаток дня, ночевали в стогах сена, а потом оставались и на воскрестье. Хорошо было приехать на берег озера, на пенек яли просто на траву под березкой, поговорить, почитать, поспороты. Было, кто-нибудь из нас прихватывал с собой книгу.

Особенно ярко запомнился мне одно из сеятрских воскрестьев. День стоял теплый, тихий. Изрядно отдохнувшие, мы замето устали. Когда устроились на отдых, Иван открыл томик Беллинского и начал читать вслух статью «Литературные мечтания». Мы увлеклись, и не отрывались от книги часа два.

Прервав чтение, Иван захлопнул томик и задумался. — Какой интеллигент! — тихо и слабо прошептал я ему. — Что-то, что-то, вслух проговорил он и повторил: — Какой интеллигент!

Мне захотелось более отчетливо представить себе это слово. Я возразился:

— Беллинский не просто интеллигент, а нечто большее. Мы тоже интеллигенты, а в сравнении с ним, как две травинки перед морем.

— Это мы-то интеллигенты? — усмеялся Иван. — Что мы сделали для людей, для их жизни? Кого мы вдохновили на прекрасное, трудное, важное дело, на подвиг? Мы еще только пытаемся стать интеллигентами, рядовыми интеллигентами!

Он говорил долго и горячо, с прусским смелым темпераментом. Я слушая друга и соглашаясь с ним в главном: в том, что основное призвание интеллигента — служение народу, родине.

в которой Юра жил и воспитывался. В Москве Юра ниял посещая театр, кино, концерты. И вот и т. д., а когда попал в другую обстановку, уже, конечно, показалось, что не так. Не так и не так. Действительно, если «арсудать логически», став на точку зрения интеллигента, интеллигент должен ответить Магдучу. Читатель, хороня отозвался, что интеллигент Ковальского служит письмо читателя из г. Юркова В. Сивустулова: «Восемь лет назад я и мои соросники Лидию Волкову после окончания института в Юрковском районе направил на работу в Георгиевскую светянную школу. Эта школа была в селе Юрковском районе, в девятиста пяти километрах от Юркова. Мы с Лидией работали в селе. В селе, кроме двух учителей, врач да двух специалистов сельской больницы. Мы и интеллигент, кто мог бы вести культурную работу среди населения. Но мы не поступали так, как Ковальский. Я пономю комсомольское собрание, на котором мне дали первое серьезное поручение — сделать доклад о бое-

возвращаясь домой, я перебрал в памяти имена людей, в ком с этой группой проводил вечера. Были черты современного рядового интеллигента. И передо мной возник образ Надежды Михайловны Лебедевой, моей первой учительницы, человека большого обаяния и огромной, редко встречающейся выдержки. Такой помню я ее сейчас, такой была она все четыре года, пока обучала нас, ребята, казах в Биколовской начальной школе.

Ее большие глаза каждый раз загорались огнем радости, когда мы хорошо отвечали уроку, выпускали стеньгу газету, устраивали для крестьян самодеятельный концерт, работали на пришкольном участке или рассказывали ей о своих «домашних» делах. Она интересовалась ее любовью. У меня знали: Надежда Михайловна верила, что из них вырастут хорошие люди. Этим объяснялся их привязанность к учительнице, ее непоколебимая уверенность в нас.

Надежда Михайловна старалась не прибегать к окрикам, даже когда нужно было пресечь чрезмерную шалость, проявление грубости, стеньги баловства. Достаточно было ее взгляда, двух-трех слов, и самые ленные из нас брались за дело, а грубияны краснели.

В школу каждую субботу приходили сельские комсомолки. Надежда Михайловна знакомила их с основами марксизма-ленинизма, устраивала лекции по истории, географии, естествознанию, стараясь передать молодежи свои знания. Это был своеобразный сельский университет.

В 1927 году я заканчивая начальную школу. Надежда Михайловна стала заходить к моим родителям особенно часто. Она проводила беседы с отцом и матерью, настоятельно советовала им

показать меня в Бежецк или другой город для продолжения учебы.

Сейчас, вспоминая далекие годы, я спрашиваю себя, кто больше радовался и думал о моем будущем: я, мой родители или учительница?

Каждый раз, приезжая на каникулы в родную деревню, я шел в Биколово, и каждый раз Надежда Михайловна много рассказывала мне о школе. Я помню, она часто повторяла: — Ты первый из моих учеников поступи в школу второй ступени, получишь среднее образование. А завтра послеэватура будут учиться все...

Через два года Надежду Михайловну перевели в другую школу, куда-то далеко. Мы больше не встречались, но я знаю, что еще долгие годы она продолжала воспитывать ребят, отдавать людям свои знания. Я рассказывал о ней своим друзьям на фронте, товарищам в тылу. В институте, рассказывал как о человеке, который сам искал случай передать свои знания другим и видел в этом настоящее счастье, о человеке, подготавливавшем и меня и десятки других юношей и девушек для поступления в комсомол, в партию.

Недавно в журнале «Смена» я прочел отрывки из дневника студентки А. Герберовскико, читателя Плошкоина от культуры — Ковальского. И этого Ковальского, овладевающего культурой лишь для того, чтобы при случае «аббесудать», конечно, не следует считать интеллигентом. Интеллигент — Надежда Михайловна и миллионы ей подобных. Мало набирать знания, элементов культуры, кончать в колледже государственного «я». Надо быть деятельным, максимально полезным для общества, для людей.

С. СМIRHOV

вои путн Ленинского комсомола. Мне не забыть, с каким вниманием слушали меня юноши и девушки, записывали коммуну красное уголок». Через год в селе построили клуб. Я до сих пор вспоминаю слова приниудила активное участие в клубной работе, мы годовой концерты, читали лекции, руководили кружками художественной самодеятельности. Не редко мы выезжали в отдаленные бригады колхоза, на летние работы, мы собирали подписки приветных людей, которые горно по благодарности нас за наши скромные труды. Я до сих пор вспоминаю, как осенними вечерами, в зимние праздники, мы собирались в клубе, чтобы рассказать в соседнем отце международном полюбившемся. Не редко мы выезжали в знакомые с биографией кандидата в депутаты. Как бы это ни казалось, но много свободного времени. Многие из нас учились на заочных отделениях институтов. Но мы знали, что мы делали, нужно для народа, мы для этого, мы для этого и приехали в село. И самой большой благодарностью для нас было уважение колхозников, их глубокая признательность.»

НА БЕРЕГУ ИРТЫША

Фото А. Узляна.

Несколько лет назад здесь, на правом берегу Иртыша, шумела тайга. А теперь на этом месте раскинулся Омский нефтеперерабатывающий завод, построенный руками комсомольцев.

Можно сказать, что биография Василия и Тани Пороховики, Людмилы Головачевой, Александра Заблочкиго и сотен других молодых строителей и рабочих завода началась именно здесь. Рос завод, росли и создавшие его люди. Они овладевали неизвестными для них специальностями — технологов, прибористов, элевтиро, слесарей, машинистов и становились мастерами своего дела.

Люда Головачева пришла на завод в прошлом году после окончания десятилетки. Теперь она передала производственные, отлично освоила профессию оператора. Товарищи по работе избрали ее членом комсомольского бюро цеха. Сейчас Люда готовится к поступлению в вечерний нефтяной институт при заводе.

Уже три года работает на предприятии молодой инженер Александр Заблочкий, воспитанник Московского нефтяного института имени Губкина. Александр внес несколько ценных рационализаторских предложений. При его участии сконструирован автоматический измерительный прибор, который дает миллионы рублей экономии в год. Комсомольцы доверили Заблочкиму руководить производственной комиссией в комитете ВЛКСМ.

Омский нефтезавод еще строится, а вместе с ним растет и поселок нефтяников с красивыми улицами, садами и скверами, пятью средними школами и двухсменной школой рабочей молодежи. Пройдет еще немного времени, и здесь будут построены стадион на 10 тысяч мест и замечательный Дворец культуры. В живописном месте на берегу Иртыша комсомольцы разобьют большой парк. Только в этом году они посадили на улицах городка около 60 тысяч деревьев и кустарников, 200 тысяч цветов.

Много хороших дел на счету комсомольцев и молодежи строительного треста «Омстрой», ведущего работы по сооружению завода и поселка нефтяников. Недавно совет народного хозяйства Омского административного экономического района и бюро горкома комсомола присудили им первую премию за участие во Всесоюзном рейде по экономии и бережливости металла и выявлению неиспользованного оборудования.

Е. ЯКОВЛЕВ

Кончилась смена... Хорошо потрудились сегодня помощник оператора И. Архипов, машинист И. Недельно и оператор В. Клишин.

Улица Мира в поселке нефтяников.

Через несколько минут еще одна секция нефтепровода ляжет на дно траншеи.

Сейчас раздается басовитый гудок, и машинист электровоза комсомолец Владимир Стрижанов поведет тяжеловесный состав с продукцией завода.

У этой эстакады цистерны заполняются нефтепродуктами.

НА ДАЛЬНИХ ФАКТОРИЯХ

Эти прибрежные скалистые об-
разования издавна можно при-
нять за тайгу. От них и полуки-
лометровый островок реки По-
дкамной, известной Тунгуски,
фото автора.

«КЫЗЫЛ» ИДЕТ НА СЕВЕР

Как быстро летит время! Кажется, это было вчера: а верховья Енисея, там, где он пробивает скалистые громады Саян, теплоход «Кызыл» штурмовал Большой порог¹. Прошел год. И вот снова нос судна разрезает волны великой сибирской реки. Но теперь «Кызыл» спешит не на юг, а на север, туда, где ночью над горизонтом не потухает алый отблеск летнего полярного дня, — в далекую Эвенкию.

По-прежнему командует кораблем молодой, но бывалый капитан Александр Андреевич Мурзин, все так же подтрунивая юным над пожарами «профессором» верховья плеса² — первым штурманом Гавриилом Петровичем Пахомовым, — машинную команду возглавляет механик Ян Форсель, а у штурвала стоит все-таки рулевой Петр Чернопята...

Нанешней весной на судне произошло знаменательное событие: экипаж «Кызыла» было присвоено звание комсомольско-молодежного. И перед выходом в рейс на Подкамненую Тунгуску рядом с названием теплохода решено крупно вывели «Комсомольско-молодежный» и нарисовали в центре комсомольский значок.

...Лето пока не баловало нас теплом. Хмурые тучи заволакивали небо, то и дело шел дождь, а временами и снег. Пронизывающий,

холодный ветер пытался сорвать с клотика альфе флаги. Они сигнализировали встречным судам о том, что на «Кызыле» находится опасный груз: трюмы теплохода были доверху заполнены бочками с горючим для фактории Ванавара — конечного пункта нашего рейса.

На рассвете «Кызыл» миновал Стрелку, где Енисей, приняв в себя воды Ангары, разливается на несколько километров. Солнце наконец растопило серую туманную муть. И тогда мы увидели впереди, на воде, белые льдышки. Две, затем из-за поворота реки показались еще три и еще...

— Лебеди! — крикнул кто-то в рубке.

Это было удивительное зрелище. Освещенная приближавшимися сквозь тучи солнечными лучами, растянувшись веером, поначалу была на волнах стая лебедей. Они подступили нас совсем близко, а потом белое облако поднялось в воздух. Неторопливо, как будто нехоти, выманивали гордые титы крыльями, а потом

словно опустились на воду. Так повторялось несколько раз. Но вот до нас донесся грубый крик вожака. Лебеди взмыли вверх и, слетав над Енисеем полукругу, подлетели к темнейшей на берегу тайге.

В это утро мы еще несколько раз видели лебедей, потом стали появляться стаи гусей и уток. Чем дальше плыл «Кызыл» к северу, тем они встречались чаще: начинался «край испуганных птиц».

Мы не останавливались в Енисейске. Ручка машинного телеграфа — на делении «полный вперед». Позади остаются устья рек Кемь и Большой Пит. Кас и Сым, грозный Основский порог.

Стремительное течение, угрожающее делами «Кызыла», мчит нас в узком каменном коридоре. Как только он кончается и Енисей словно расправляет плечи, прямо на теплоход одно за другим несутся два оштеннившихся мачтами «судна». Это знаменитые «Кораблики» — скалистые, поросшие кедрачом и сосновым островом, действительно очень напоминающие старинные барки.

Справа все заостренное становится плесом более темной воды. И вот перед нами широко раздвигаются берега большой, полноводной реки, с востока впадающей в Енисей.

На третий день пути, покрыта от Красноярска девяносто километров, теплоход «Кызыл» входит в Подкамненую Тунгуску.

КАПИЗЫ ПОДКАМЕННОЙ

Было время, когда илинки, длинные плоскодонные лодки, получившие свое название по месту их первоначальной постройки в городке Илимску, служили на сибирских реках основным транспортом. Но в наши дни, когда по Енисею плавают мощные теплоходы и дизель-электроходы, они стали настоящей редкостью.

Иное дело на Подкаменной. В ее верховья теплоходы стали ходить совсем недавно. Еще несколько лет назад они добирались лишь до Большого порога (как и на каждой сибирской реке, есть такой и на Подкаменной Тунгуске), то есть немногим больше, чем на триста километров от устья. Здесь пародахом опустошали свои трюмы, и да еще грузы следовали небольшими «спорями» на катках, а потом на илинках. Их буксировали лошади, а нередко и люди, которых в Сибири называют не бурлаками, а дымщиками. Слышно и рядом непокорная, порожистая река рвала каваль, как нитки, и тогда — прощай, груз!

Освоем Подкаменной выше Большого порога, до фактории Ванавара, — яркая страница в истории Енисейского пароходства. Вплывали ее речки младшего поколения. Первыми доставляли грузы в этот далекий сибирский уголок молодые экипажи теплоходов «Якутия», «Чувашия» и «Карелия». На переход от устья Подкаменной до Ванавара они затрачивали три недели.

— Нелегко было наладить судоходство на среднем и верхнем плесах Подкаменной, — говорил Мурзин. — Фарватер у этой реки очень капризный, и почти на каждом шагу она готова трепыхнуть лодку или даже вывернуть. Ведь на Подкаменной около десяти «серьезных» порогов, а шивер и перекаты не счесть. Впрочем, все это мы сами увидите. Только вода бы не упала...

Равногоры о большой и малой воде шли на судне с самого начала рейса. Капитану, да и всему экипажу было над чем задуматься.

Подкаменная Тунгуска — могучая река протяжением свыше полутора тысяч километров. До самой Ванавары она имеет и ширину около километра, а весной и в первой половине лета местами разливается еще шире. Но как только пройдет «снежинка» и скатится «коренная», река сильно мелет, и тогда кое-где ее можно даже перерезать ледяной лаврой.

В нынешнем году «Кызыл» начал навигацию с опозданием: больше недели было потеряно из-за ремонта машин. И сейчас до порога был каждый день. Две опасности подстерегали «Кызыл»: он мог не дойти до Ванавары или, добравшись до этой фактории, застрять где-нибудь на обратном пути к устью Подкаменной до будущей весны. Последняя перспектива — жестокая, особенно тревожная для судна, которое в течение ра-

¹ Этому району был посвящен очерк, опубликованный в «Смене» № 23 за 1957 год.

да лет неизменно переполняло план навигации.

В тот день, когда мы вошли в Подкаменную, радист Андрей Алексин быстро бежал по трапу рубки и на землю, протыгав Мундыгу андреевскому доложив:

— В Ванаваре четыреста пятьдесят восемь!

Это означало, что в верховьях глубина Подкаменной превращалась вместе с половиной моря. Но капитан сказал:

— Подождите радоваться. За сутки вода может упасть и на метр и на два.

Тем временем «Кызыл» продолжал свой путь, и в этот вечер мы достигли Подкаменной. Трусы остались разволнувшим к суровой красоте Подкаменной, когда телодух входит в «еще». Так называют в Сибири замечательные произведения природы, результат соим деятельности ветра и дождя, мороза и солнца.

Свежа и сыра вздымаются над рекой зубчатые стены и башни фантастических средневековых замков. Среди ровных, стрелчатых скал высится статуя самых причудливых форм. Они напоминают то египетских сфинксов, то изображения Будды, то окаменевших животных. Отражались в воде, разукрашенные в различные сочетания бежево-красных, желтых и голубых тонов, они оставляли незабываемые впечатления. Эти скалистые образования и дали реке ее наименование.

К вечеру Подкаменная породавала нас еще одним зрелищем. «Кызыл», прижимаясь к левому берегу, шел «тихоходом», выигрывая таким образом в скорости. В это время на противоположном берегу показались большие медведи. Выйдя из тайги, он неторопливо заковылял вдоль реки, не подозревая, какой силой охватывает взор охотника, сидящего на судне. Кто-то сбегал в каюту за малокалорийной винтовкой. Но расстояние было слишком далеким, и пули не долетали до виновника удара. Доложив о долго медведь отходил к нас на виду, а затем скрылся в тайге, даже не удостоив корабль взглядом.

Солнце заходит в 22 часа 15 минут. Блгородный солнечный шар цепляется за вершины ботоседелов медведей, затем садится в тайге. Станет свистящий шум утиных крыльев. Неугомонно полыхает жар. Летние ночи на Подкаменной не назывешь «белыми»: они розовые. На северо-западе почти до восхода აღდა не было ни минуты, когда не свистят птицы.

Рано утром мы проходим устье судоходной реки Вельмо. Отсюда и начинается территория Эвенкийского национального округа, образованного вместе с Таймырским в декабре 1930 года.

В ГЛУБИ ЭВЕНКИИ

Прошла еще сутка. На правом берегу Подкаменной показались новые, недавно срубленные дома. Это была фактория Полугуз, у которой «Кызыл» остановился, чтобы взять запасную чужую лодку.

Признав, что по поездке на Подкаменную Тунгусу слово «фактория» вызвало у меня примерно такие ассоциации. Дескать два чума, между которыми ходят олени и бегают соборные лайки. В центре фактории — прачечная дом — магазин, и он же пункт по приему пушнина. Люди одеты в расшитые бисером меховые хостомы или куртки из оленьей шкуры.

Эти важные представления, сложившиеся в детстве после чтения очерков о Крайнем Севере двадцатых годов, рассеялись, как дым, в первой же фактории. На широкой улице высились просторные дома с большими, светлыми окнами. То тут, то там лежали груды пахнущих смолкой бревен, белели стены возводивших срубов. Неподдалеку, где начиналась отступившая под натиском человека тайга, виднелись деревянные здания, окруженные веревками. Оказались это детский сад, ваня и так называемая лесная школа, нечто вроде интерната-санатория, в котором учился более семидесяти детей эвенков. Среди зданий фактории выделялся и клуб колхоза имени Ленина. В нем регулярно демонстрируются кинокартины, молодежь выступает с концертами самодеятельности. Жители фактории были одеты в обувь так же, как, скажем, в Подмосковье или на Укра-

ине, девушки-эвенки носили босоножки и туфли на каблуках.

Далеко не сразу заметили мы на окраине поселка несколько чумов. Скоро их не будет совсем: рубилом уже последние два года осталось навесить двери и вставить оконные рамы. «Всем колхозникам своим дома или квартирами» — такой лозунг вывешивал партийный и советские организации Эвенкии.

Центральное кочевье. Эзотические чумы, крытые оленьими шкурами или берестой, доживают последние дни. На фактории Тамба все эвенки колхоза «Красная звезда» переселились в собственные рубленные дома. В Чумковом уже последние два года построено около двух десятков домов. Правда, в Полугузе, Кузюме и других факториях некоторые эвенки, приверженцы старины, еще сохраняют чумы рядя, а новыи бревенчатые дома, но используют их лишь как летние, «сладкие» помещения. «В чуме прохладнее», — говорят они.

— Как же так? — может спросить читатель. — Ведь основное занятие эвенков — охота, рыболовство, оленеводство. Разве можно заниматься этим оседло? Нельзя же добыть соборя рядом с факторией!

Да, это так. Но найденo правильное решение: кроме домов с центральной усадьбой колхоза строят охотничьи и оленеводческие базы там, где ведется промысел пушного зверя и пасутся оленьи стада. Таких баз в Эвенкии уже насчитывается около тридцати. Это не простые просторные палатки, а добротные дома с баней, магазином, библиотекой, складом и ледником. Здесь охотник может хорошо отдохнуть, послушать радио, почитать свежие газеты и журналы, посмотреть кинокартину.

Это новь эвенкийской тайги. Эвенки кура об руку со всеми народами Советского Союза строят новую жизнь.

И сейчас даже трудно представить, насколько изменились их прошлые в жаркие народы — царской России.

ГОНИМЫЕ ГНЕВОМ ОГДЫ

Чум Джанкоуля стоял на пригорке, у самой «стрелки», там, где в быструю Чамбе вливается красавица Макитта. Отсюда до Катанги (так называли эвенки Подкаменную Тунгуску) в лодке можно спуститься по Чамбе дня за три, а весной, по большой воде, еще быстрее.

Хорошее место выбрал Конор Джанкоуля для летней стоянки: неподалеку пролегла в тайге звериная тропа, которой на закате солнца выходяли на водной к Макитте сохатые. Легкий ветер с реки отгнет а чашу лиственничной тучи золотого цвета. И Чамбе и Макитта были богатыми рыбой: тайменем и ледяным карасиком.

Больше всех времени года любил маленький Андрей, сын Конора Джанкоуля, короткое, но удивительно яркое эвенкийское лето. Тогда их семья перекочевывала сюда в Чамбе, на зимних угодьях, где охотники добывали не только белку, но и соборя.

Когда они возвращались с рыбалки, отец сидел на носу, покуривая трубку, а несмышленный Андрей ловко управлял веслом на корме. Быстро и легко неслась вниз по течению их оморочка. И прежде чем Андрей успевал полностью насладиться тем, как послушна лодка в детско-крипким ружьём, влады уже показывалась верхушка священного лексептына. Высокий шест с поперечной палкой, из которой болталась кукуш белой материи и две белыи шкурки — жертвоприношение духам, — стоял в лагочу чума. В тайге было много духов, и все они грозили эвенкам голодом, болезнями и смертью.

Андрей хорошо знал, что с духами шутки плохи. Прошлой зимой они погубили дядю Ботугу, когда он возвращался с добычей промысла. Его навстречу в тайге, в мешок, в котором Ботуга зрял добытые шкурки, оказался пустым. Злые духи наслали болезнь на мать Андрея. Уже многие годы она кашляет кровью.

Бабушка Тасачи рассказывала внуку, что в далекие времена еще до того, как на Чамбе и Кичму кочевал дед ее дед, духи были более милостивы к их народу. Тогда тайга изобиловала зверем, а реки — рыбой, и соборя отворачивали носы от колхозников, но перепалало мясо и кости сохатого или оленя. Голова Тасачи тряслась, а кожа на лице была похожа на ветную бересту. Бабушка много пугала, порой вылетала в свои рассказы древние легенды. Но Андрей запомнил одно: с тех пор, как в их краях пришли скучники пушнина, эвенкам стало жить худо.

Все дальше уходили они в тайгу, а зверя попадались все меньше и меньше. Часто погубила теперь в тайге пожары, опустошавшие огромные пространства. Шаманы объясняли все эти бедствия гневом злоею Огды — бога грома и молнии. Тщето рожалки шаманские бубны, вымывавшая у духов счастлиую охоту. Только в самых глухих, отдаленных угодьях удавалось добыть теперь соборя. Опытный, неотуманный следопыт, Джанкоуль хорошо знал эти места и по первому снегу уходил на всю зиму в таежные дебри, где берет свое начало река Кичму.

Минувшей зимой он добыл сотни три белки и шестидесяти соборей. Давно уже не было у Джанкоуля такой богатой добычи, но и она не принесла ему радости. Десять соборей пошел в уплату сачной поэти, четыре зарплата начальнику с чет прошлогодней недолжи. Осталось всего две дорогие шкурки. Конор намеревался выгнать их в факторию Чамбе на порох, пулю, муку и соль.

Притворно улыбаясь, ангарский купец по прозвищу Деромир (вор) встретил Джанкоуля у своего лабаза.

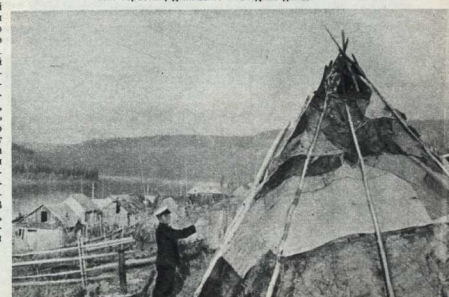
— Молден, паря, видно, ты не ленился этой зимой! — сказал он, заторможенный глазами глянув на соборя шкурки. — Сейчас посмотри, сколько за тобой долгу.

— Подожди, бойе, я же платил тебе, — остановил его Джанкоуль. — Много белка дала.

— Как платил?! — закричал Деромир. — Ты дал мне тогда несколько связок паршиной белки и думаешь, расчитался? Вот, смотри, здесь у меня занесено черным по белому: «За Джанкоулем с реки Кичму долгу осталось тридцать рублев!».

Долго смотрел Конор туда, куда указывал жирный палец скучника. Но разве он мог что-нибудь разоборать в этих непонятных ему палочках и кружочках? Опустив голову, думал охотник о том, что надо было отправиться ему на другую факторию, где нет Деромира, а его долговой книгой. Но хитрый купец как будто угадал его мысли.

— Не вздумай от меня бегать, тунгус, — сказал он жестко. — Придешь в чужую факторию, и там тебе не понравится. Эзотические чумы, крытые оленьими шкурами или берестой, доживают последние дни...

торию, и никто не примет от тебя даже белчьего хвоста... А большой русский начальник в Енисейске — мне хороший друг. Скажу слово, и пойдешь тебе в каталажку за неуплату долга.

— Не надо, бой — испугался Конов. Знаю, что с Дерюминым спорить опасно... Зачем седишься? Бери собачек... Только дай пороху, муки, соли.

— Дерюмин егреб с прилавка не только собачек, но и связки белчиных шкурок.

— Ладо уж! — великодушно ухмыльнулся он. — Не люблю обижать я туंगусские... И, послонявья харианди, добывая: — Знать, пиди, аниак, Эгои Эгис засахито по черовошу за шутку, хоть и не стоят они того. Белка вовсе нынче не в цене, только по старому знакомству беру. Гляди, старую запись перевернуваю, аминь ей. Теперь мы с тобой в расчете.

Джанкоу оторопело смотрел на купца.

— А мука, порох, бойе!.. Как буду охотиться?

Дерюмин кинул на прилавок мешок муки, кусок грязной каменной соли, отнесил фунт пороху.

— Забрави! С наступающей весной вернешься с промысла, расчитайся.

Потом достал с полки бутылку, звонким шлепком ладони вылил пробку, налил Конову полную чашку спирта и положил перед ним кусок улятки (вяленного оленевого мяса).

— И пей и помни, что тунгусам я первый друг.

Напил Джанкоу чашку, потом вторую. Уходил от купца веселый, выпившая ногами кренделя на талом снегу. А Дерюмин снова достал заветную книжечку и, наморщив лоб, круглыми перьями буквами записал: «За Джанкоуем с реки Кимку долгу осталось тридцать рублею».

...В это брызжащее светом ноябрьское утро Джанкоу не хотелось вспоминать недавнюю обиду. Только что Андрей помог ему вытащить старую, много раз латанную сеть и на две лодки забилось десятка два хариусов и ленков. Неожиданно Андрей увидел, что отец с искаженным от страха лицом смотрит в небо. Мальчик поднял голову и тоже оцепенел. Ему показалось, что слышит чуть поднышева над кромок тайги, сорвалось с места и стремительно несется прямо на них. За тем на него дохнул жаром, и Андрей в ужасе прыгнул к дичью лодки. Он слышал, как галчье совсем близко к той лодке зашевелились деревья. Прошло несколько секунд, и в том направлении, где зимой Джанкоу ставил чум, раздался удар грома. А за ним другой, третий...

Джанкоу сваял вельмо и сильным ударом вывел лодку на стремнину.

— Беда! — дрожащим голосом сказал он сыну. — Это Огди гневается на нас. Не будет тебе удачи. Надо уходить вниз, на Катангу.

Через час, когда сестра Джанкоу покинула насконное место, небо стало черным дымом: неподалеку горела тайга.

Это было 30 июня 1908 года. В то утро на землю звенков упал большой метеорит, превративший огромное пространство в безжизненную пустыню, страну мертвого леса.

Метеорит упал, и сжал тайгу вместе со всем, что в ней находилось, на площади в несколько сот квадратных километров.

С той поры счастье совсем отвернулось от Джанкоу. Весной, когда Джанкоу собрался вместе с сыном идти добить козотого, чтобы промочить наконец отпавшую шкуру, умерли от голода бабушка Тасачи и мать Андрея. А еще через три года, провалившись в по-ляно, погиб и отец. Остался Андрей Джанкоу совсем один. Ему шло тогда пятнадцатый год.

Еще много лет бедовал Андрей в тайге, охотничая, рубил лес, сплавлял кулеписные плоты по Енисею. И не знал он радости до тех пор, пока однажды рослый русский парень с красной косицей на шапке дружески не хлопнул его по плечу. И впервые в жизни услышал Андрей обращенное к нему, слово «брат».

В ТАЙГЕ

Трудно ходить в тайге! Слопшоной стеной stood деревья: лиственнички, кедрки, сосны. Летом густой подлесок и высокая трава, а зимой глубокий снег скрывают невесть откуда взвисяне тут валуны. Но больше всего досаждают бурелом. Словно шлагбаум, переграживают таежные тропы поваленные грозой и упавшие от старости лесные гиганты. Но Андрей Джанкоу чувствует себя в тайге как дома. Если подчитать, сколько он добыл на своем веку всякого зверя, на какую сумму сдал государству пушнину, оставались бы шестизначные цифры. Но не только потому имя Джанкоу широко известно в Тунгусско-Чуномском районе. В тридцатые годы был он организатором одного из первых в Эвенкии охотничье-оленеводческих колхозов. А во время войны с фашистами доказал, как меток галч и тверда кура таежноко охотника. Его авианека не знала промаха. По несколько суток не покидал он иногда своего снайперского гнезда. И Андрей Джанкоу был награжден орденом Красного Знамени...

Приезжал как-то издалека Московский молодой ученый Сыроечковский, ассистировавший сибирский зоогеографический отряд Института географии Академии наук СССР, и стал подымать проводника для работы в тайге. Джанкоу пришел к Евгению Евгеньевичу и предложил свои услуги.

— Куда хочешь поведу, — сказал он. — Покажи тебе и собачки, и горностая, и осторожную утку. Услышишь, как поет глухарь свою песню, увидишь, как строит гнездо кедровка, как выводит птенцов лебедь.

И стали ходить они по тайге вместе. Старый и молодой, один — бывалый следопыт, таежный умелец, вымысленный морозом и солнцем, другой — кандидат наук, амакский и крепкий. Они хорондо дополняли друг друга. Много таежных тайн помогло разгадать Андрей Джанкоу Евгению Евгеньевичу, но и сам услышал от Сыроечковского немало любопытного о биологии и распространении животных и птиц Сибири.

В леткой лодке-доблеме плавали они по глудым таежным рекам, через топи и заросли пробирался к местам гнездовий уток, гусей и лебедей. Сыроечковский восхищался умением Джанкоу устроить ночлег, находить воду, преодолевать завалы бурелома. И вдруг случилась с Джанкоуем беда.

В этот день пробрались они вдоль берега реки Лакру. Улавивший великач-кедр перегнул пень. Джанкоу, шедший вперед, прыгнул на ствол и вдруг провалился по пояс, окутавшись грудушкой ильма. Видимо, давно успела сгнить сердцевина дерева.

Сыроечковский услышал стон. Джанкоу, морщась от боли, опустился на землю: вывих ноги...

— Оставь меня здесь, — наставлял Джанкоу. — Отлежусь, сам ийду.

Но крепко немаякий таежный заков.

— Держись за мою шею, — сказал Сыроечковский. Положил проводника себе на спину и пошел.

Даже по ровной дорожке очень трудно нести человека несколько километров. А здесь переветывающиеся корни деревьев, бурелом, замше-

лые валуны попадались на каждом шагу. На ла спина, онемевшие руки, пот градом капал по лицу Евгения. Все чаще и чаще приходилось ему отдыхать. Но Сыроечковский упрямо шел вперед. Пятьдесят метров, сто метров, сто метров огромного надрывания.

Волею пяти километров пронес Сыроечковский по таежной чаще Джанкоу и благополучно достиг лагеря.

Сыроечковский выдергал всегда невозмутимый старую охотничью бляку молодого русского друга и заплакал...

ВАНАВАРСКАЯ НОВЬ

Капитан «Кызыла» сдержал свое обещание: были на нем пути и пороги, и перекаты, и шиберы. То сзади, то справа вырывались из тайги и рассыпались волнами речки с такими же звонкими, как они сами, названиями: Бууретга, Польшоро, Юдукон. Остались позавидные фактории Байжит, Куомба, Оскало, Павлоки. Чамба, где Конов Джанкоу славая за беседу пушнину изобрел кушту. Намеком из-за порога показались Ванавара. И тут неожиданно пришел на память подвиг зигунаста-ученого Леонида Алексеевича Кулика.

Вмло это в первые годы Советской власти... Конов приехал в тайгу, чтобы разгадать тайну грозного явления Турунгуку, так называемого когда-то эвенков. Ценой огромных лишений, рискуя погибнуть от диния и голода, ученый проник в «страну мертвого леса» и нашел место падения метеорита. До сих пор сохранялись в тайге чебушки, так званые валдым вздохом с рабочим Китыном, и укая, тянувшаяся на десятке километров просека, которую охотники называют «тропой Кулика». Добрую память оставил о себе ученый на Паджамановой.

Вернувшись из первой экспедиции, Кулик написал брошюру, озаглавленную «За тунгусским дивом». Сейчас эта книжечка, вышедшая в Красноярск небольшим тиражом в 1927 году, является библиографической редкостью. О Ванаваре Кулик писал: «На высотею юру достатком температуре, по сравнению с фактория в обступившую ее с трех сторон тайгу». Очеркист-краевед А. Смирнов, посланный допустить редакцией журнала «Всемирный следопыт» на помощь попомнению в бедственное положение Кулика, устроил в одном из своих очерков, какого рода были эти постройки: «Это маленьких бревенчатых изб, три покосившихся сараи...»

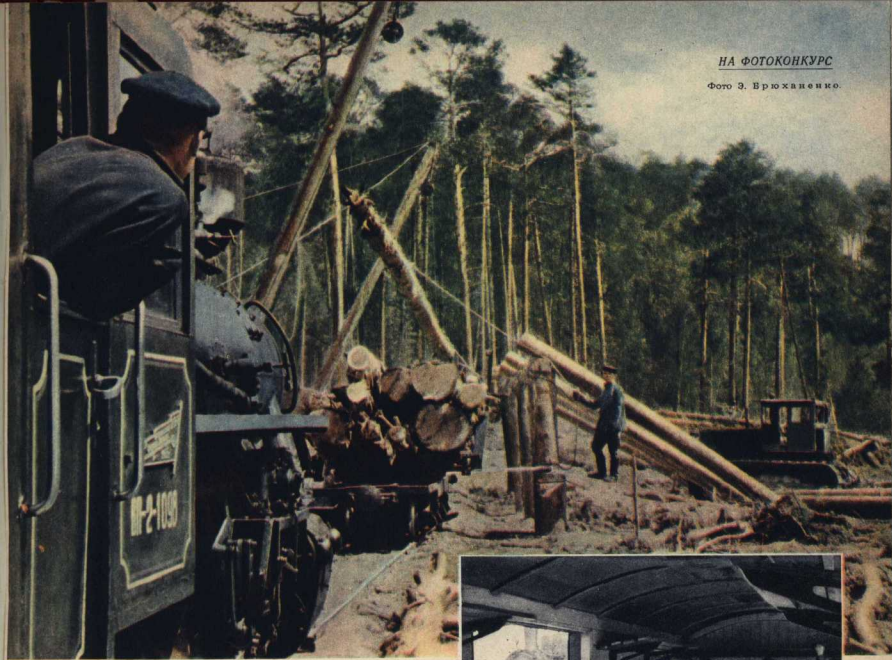
Тридцать лет минуло с той поры. И вот теперь ямям предстала Ванавара соединяющая — центр Тунгусско-Чуномского района. На холмах, амфиатрале обтекающих в Подкаменной, россыпь домов. Длинные, красивые улицы с дощатыми тротуарами, Дом культуры, библиотека, красный чум, средняя и две начальные школы, столовые, магазин...

У причалов — несколько теплоходов, ушедших раньше нас из Красноярска. Они уже заканчивали разгрузку, и на берегу выслылись группы шифков, мешков, бочек. «На пристань алет транспорт с надписью: «Привет работникам речного флота, доставшим грузы народам Крайнего Севера».

А грузов было много: моторы и механизмы, мотоциклы и ваины, шелковые и шерстяные ткани, шифер и поезда. Колхоз «Северная искра» получал чертот «ДТ-54», промкомбинат — пресс для формования ширинца, сельхозартель «Красная звезда» — плуларку и электростанцию. И в эту навигацию речники доставляли в Ванавару уже две электростанции: одну, побольше, — для нужд поселка, другую, поменьше, — для районной больницы.

Ванавара сегодня — это уже не фактория. В глубине эвенкинской тайги вырос целый город. Своеобразия его жизнь, но быт она ладомым смешением всех черт того нового, что принесла Советская власть в самые отдаленные уголки нашей страны.

Эвенкинский национальный округ.

ВЕЧЕР В ТАЕЖНОМ ПОСЕЛКЕ

Текст Р. Вайнера.

Сибирская тайга... Кажется, нет ей ни конца, ни края. В одном только Чусовском районе, Иркутской области, лесной массив занимает двадцать две тысячи квадратных километров — немного меньше площади такого государства, как Бельгия. Среди таежного половеда небольшими островками разбросаны дальние лесозаготовительные. Звон пил, грохот падающих сосен, лиственниц и елей далеко разнесется по тайге.

...Вот где-то рядом взвизгнула паровоз. Мы выходим на открытое место. На узкоколейной коряжке мезелевкообразные платформы с лесом.

— Баस्ता, последний состав грузини! — говорит сопровождающий нас мастер леспрохоза новобината «Тайшетлес», плотный, криксивый старик.

Паровоз еще раз взвизгнула и увез состав. Из лесу послышался нарастающий ронот. На трелевочных тракторах, словно танковый десант, выезжают лесорубы.

Потом паровоз возвращается, но на этот раз он тащит за собой маленькие ангоритные вагончики.

Пригородный пришел! — шутит кто-то.

Лесорубы занимают места в вагончиках. Путь до поселка недолгий, но все равно сидеть без дела скучно. Поэтому каждый находит себе занятие по душе: один читает газеты, книги, другие играют в домино.

— Как называется ваш поселок? — спрашиваем мы соседа по снайперю.

— Веселый.

Мы смотрим на лицо парня: не шутит ли? Нет, лицо серьезное.

— В самом деле?

Через полчаса состав поднимается к берегу быстротечной таежной реки Чувя.

— Приехали, — сообщает наш сосед. Выходим из вагончика и с удивлением смотрим на реку. На ней целая флотилия — Большая сотня моторных лодок.

— Леспромхозовские? — спрашиваем мы.

Парень улыбается.

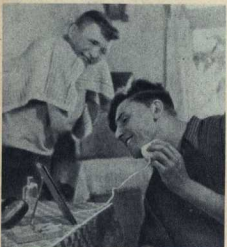
— Зачем? Личные... У нас тут все заплыве рыбаки или охотники. Недалеко от берега раскинулся и поселок: около трех сотен одно- и двухквартирных домиков. Есть магазины, школа, летние сады, ясли, клуб.

Когда мы идем по улице, из репродуктора громко разнесится на весь поселок:

«Внимание, внимание, говорит радиоузел леспромхоза! Мы узнаем, что молосенный вечер, который было намечено провести в клубе, ввиду хорошей погоды переносится на остров.

Жители поселка заняты подготовлен-
ием к вечеру. И уж кому-кому, а парик-
махеру в особенности достается в эти
часы.

Шоферы Василий Баранов и Петр Шми-
кус давно перешли на самообслуживание.
Хорошая вещь — электробритва! Но Петр
нервничает: опасается, что-то попододит.
Как бы не опоздать на концерт!

Для участников концерта дорога каждая минута. Пока катер
в пути, танцоры, услывшие тут же, в каюте, переводятся, про-
водят репетицию. Хорошо исполняет индийский танец слесарь-
инструментальщик Тамара Смолнина.

Искрятся воды Чумы...

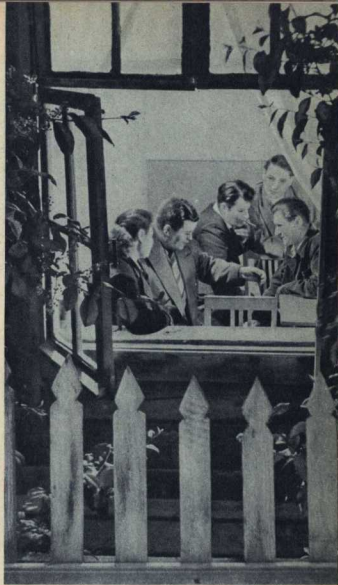

А вот и остров — живописный, густо порос-
ший лесом и кустарником уголок.
Праздник, конечно, начинается с танца.

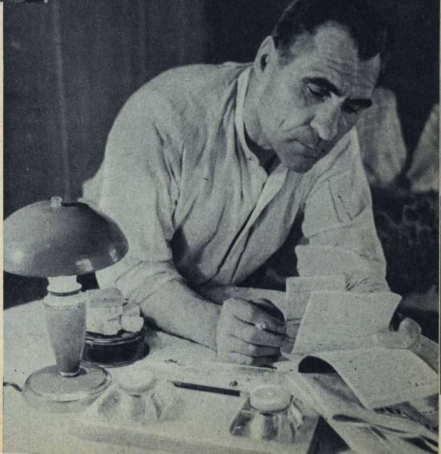

Не до гулянья сегодня молодоженам мастеру-строителю Николаю Дворецкому и заучу школы Валентине Погадаевой: недавно они обзавелись собственным хозяйством, а оно требует немало труда и времени.

А здесь... Впрочем, нетрудно догадаться, что изображает этот снимок. Ну, конечно, совещание у директора леспромхоза, затинувшееся, как это часто бывает, дождями.

Поздно горел в тот вечер свет и в квартире нарядника лесопункта коммуниста Василия Петровича Мизина. Активный рабочий газеты «Лесная промышленность» и областной газеты «Восточно-Сибирская правда», Василий Петрович часто проводит вечера за письменным столом. Нужно ведь рассказать людям об интересной, полнокровной жизни тивинского поселка, о больших трудовых делах лесорубов.

НАТАША ЧЕРНЕЦОВОЙ

С утра до вечера мчатся по улицам Москвы троллейбусы. На одном из них работает худенькая немская девушка с пытливыми серыми глазами и пышной копной светлых волос на затылке. Это Наташа Чернецова, кондуктор четвертого троллейбусного депо.

Целыми днями развозит она пассажиров из одного конца огромного города в другой. Давно уже научила девушка свой маршрут и может наизусть, без занипки перечислить названия площадей, улиц, заводов и учреждений, мимо которых она так часто проезжает. Наташа знает, на какой остановке в троллейбус обычно садятся рабочие после окончания смены, на какой выходят студенты и кто из пассажиров торопится в театр или на вокзал.

Особенно внимательно всматривается Наташа в лица пассажиров с мечетами, Интесно, куда они едут: на Алтай, на Урал или, может быть, на Камчатку? Девушка в душе завидует этим счастливцам. Очень хочется ей побывать в самых далеких уголках нашей Родины. Без ее в школе Наташа мечтала о заманчивых путешествиях, с увеличением читала книги о великих мореплавателях, открывателях новых земель и тогда же твердо решила стать географом.

В прошлом году Наташа подала заявление в Московский университет, хорошо слала вступительные экзамены и стала студенткой вечернего отделения географического факультета.

Приближалась первая сессия... Неожиданно в семье у Наташи случился несчастье: тяжело заболела мать. На руках у девушки оказалась и младшая сестра. Пришлось на время оставить учебу.

В эти трудные для Наташи дни на помощь ей пришли товарищи по работе. Они помогли девушке устроить сестру в интернат, и с нового учебного года Наташа опять начала посещать занятия в университете.

Но студентка университета Наташа Чернецова не собирается уходить из троллейбуса. Она уже привыкла к своей работе и завела здесь много настоящих друзей.

— По сравнению с бескрайними просторами нашей страны маршрут троллейбуса слишком мал, — говорит, улыбаясь, Наташа. — Конечно, как будущий географ я мечтаю о более длинных дорогах. Но и работа кондуктора мне очень нравится.

Кондуктор троллейбуса Наташа Чернецова будет географом!

Ю. ИВАНОВА

На вилладке: кондуктор Наташа Чернецова.
Фото М. Мурашова.

Рисунок Ю. Ракутина.

Василий возвращается домой поздно вечером.

Только что отшумел дождь — осенний, крупный, с пронизывающим холодком, — и на тротуаре в пятнах света, бросаемого фонарями, блеснули пожелтые листья. Подкрадывался туман.

Внезапно Василий заметил, как у подъезда мелькнули тени. Кажется, четверо! Вот они стали за деревьями, ждут... Кого!

Что-то недоброе шевельнулось под сердцем, заставило Василия встрепенуться. «Не убыстряй шага, иди, будто не замечаешь!» — стучало в мозгу.

И вдруг оклики:

— Стой!
Голос крипиль, словно простуженный.

Да, четверо! Они вышли, загородив путь.

— Ну, что, активист! — На Василия лхнула водой! — Сколько наших посади!

Василий асморился в лица. Двоем он встречал того, крайнего, что стоит в стороне, и вот этого, с криком, голосом.

— Что хотишь! — стараясь быть спокойным, спросил Василий, и в голове быстро-быстро мелькали мысли: «Их четверо, возможно, с оружием; они пьяны и в дикий злобе способны на все; опережь, не упустить мгновенья, иначе получишь нож под лопатку...»

— Вспомни, гад, как ты нашего звал! Ну!.. — Крайний как бы незачаял пальцы руку во внутренний карман лопы, но в следую-

щую секунду Василий сильным толчком в грудь отбросил его на несколько шагов. Еще удар в челюсть — и крипиль полетел на землю.

— Руки вверх! — закричал Василий, хотя никакого оружия у него не было.

Третий выставил руку, но — быстро подождал, и он мешком повалился на асфальт.

Крипиль вскопил, побежал. За ним поднялись другие. И только тут Василий вспомнил, что в кармане у него лежит свисток — не недавно вручили бригадильщикам. Третья санетка пошла ковылять в тесных дворах. «Не упустить! — думал Василий. — Взять того бы этого, который отстал и, запыхавшись, сбавляет шаг...»

— Стой, сволочи! — крикнул Василий.

— Отпусти! Попустили...

— Пощупни! Щерты ты человек! шутя бил, сегодня шутя чуть не всади мне нож в спину!

И не в силах сдержаться он, бросил жестким ударом хулигана на землю.

...Домой Василий Мартынов вернулся часа в три. Жена Гая не спала, ожидала.

— Опять поздно, Вася... Боюсь я за тебя!

— Все в порядке, Гаянка.

В порядке! Гаяза рассказало о том, что произошло два часа назад, о свистках, когда вот так же, лицом к лицу, встречался с хулиганами, когда, позабыв обо всем, вывазился в драку, чтобы

вовремя выбить нож из рук мертвецка!

Исподтишка, предательски нападет хулиган. Он не увидит один на один, не примет честный бой! Впрочем, о каком честном бое может идти речь, если встречаются два мира, две жизни, разные, как полосу! Все это хорошо понял Мартынов — бывший матрос, простой рабочий парень с «Секабеля». С того самого дня,

когда он пришел в комсомольский патруль, он как бы выступил в трудный поход — поход за справедливость, в защиту слобых. Может быть, этот поход начался еще в те годы, когда Василий, будучи мальчишкой, подосел к своим сверстникам и впервые сказал: «Хватит таскать девочек за косы!» А может, в первые блокадные дни или позднее, уже на заводе, где вместе с рабочей хулигай обрал на настоящую рабочую совесть, ту, что закаляется накрепко у коллективе, что не проходит стыдливо мимо дрянн, не отводит глаза, когда видит несправедливость.

Василия Мартынова полюбили на заводе. Полюбили за то, что с огоньком боролся за комсомольские дела, был непримиримым рабочком, живо откликнулся на всякий добрый повод.

Как только комсомол объявил борьбу с хулиганством, Василий первым включился в нее. Случилось это неожиданно. Утром в цехе он встретил Тамю с соседней уастки. Обычно веселая,

хоготуя, девушка на этот раз была грустна.

— Что случилось?—спросил он. — Да так, вчера на танцах расстроилась.

— А что такое?
— Хулиганов там много. Вчера, когда уходил собрался, но мне пристал один. Поидем, говорит, прогуляемся... Я его не знаю совсем, а он—грохот. Хорошо, что Вася, подружкой, знакомый офицер был... Но тип тот все равно шел сюда и твердил: «Приражу!».

— Тебя бы ему по физиономии дала как следует!—возмутился Василий.

— Как бы не так! Там их целая компания, и вожак есть, «Поваром» зовут...

— Вожак... Слушай, Таня, пойдём сегодня на танцы вместе, покажи мне его.

— Боюсь я.

— Ребят возьмем. В обиду не дадим.

— Ладно, пойдём,—нерешительно отозвалась Таня.

В тот вечер в клубе собралось народу поплывало-полно. Василий танцевал с Таней, которую часто спрашивал:

— Не это «Повар»?
Но «Повар» не было.

Он появился часов в одиннадцать. И сразу же все вокруг изменилось: девчата притихли, прижались к углам, кое-кто затворилась домой.

«Повар», коренастый парень с блестящими, водянистыми глазами, в белой рубашке, из-под распахнутого ворота которого торчала полосатая телеширота, медленно шел по кругу. За ним двигалось несколько подымавших дружок. В конце зала они окружили двух девушек.

«Телевизор» признавал «Повар» одному из приятелей, — побеседовав с этой сенсорой, а с этой чужой я поговорю...

Василий выступил вперед.

«Телевизор» —спокойно сказал он,—обидел.

«Повар» удивленно поднял глаза.

— Это еще что?

— Пойдём потолкуем,—предложил Василий.

— Потолковать можно,—мрачно ответил «Повар» и вышел за Василием на лестницу.

— Вот что,—сказал Василий,—умятившая отсюда поскорей! А еще раз увидим, быть будешь Ясно?

«Повар» и его дружок обступили заводские ребята.

— Запиною я тебя,—прошипел «Повар».

— А тебя уже запомнил.

С того вечера заводские ребята стали дежурить на танцах. Здесь уже было поздно, а если что и случалось, виновника быстро призывали к порядку. «Повар» больше не появлялся, а о нем забыли.

Вскоре в этом же клубе был заводской вечер. Как обычно, народу собралось много. Пришли и посторонние. Они стояли плотной стеной около контролера и пытались прорваться в зал без пригласительного билета. Олег, секретарь заводского комитета ВЛКСМ, вошел к ним.

— Почему безобразничаете? Всем места хватит...

— Пришедших пропустили.

Вечер удалял. Только под конец, когда стали расходиться, вдруг прибежала Таня.

— Вася, там «Повар!» быть собираются!..

— Бить? Кого?—спокойно спросил Василий.

— Тебя с Олегом! Сама слышала...

Когда Василий, Вася задержался, а Олег с женой и двумя товарищами прошли вперед. Где они поравнялись с бульваром, едва была остановка автобуса, настрекот выскочила группа.

— Он!—сказал урюмо «Повар» и крикнул:—Бей его!

Кто-то ударил Василия сзади. Рванулись вперед, он крикнул: Ребята, сюда!

Подбежали еще трое заводских парней.

— Не упусти! «Повар!»—кричит Василий.

В этот момент подошел автобус, и «Повар» прыгнул на подножку. Василий—следом. Схватил за шнур, дернул, чтобы остановить машину.

«Повар» бросился к двери, но тут его схватили ребята.

— Вася, шинула!—какая-то девушка и показала под сиденье,—там нож, «Повар» выбросил.

..Больше «Повар» не видели. Оказалось, грехоз за его душой было много—хулиган отправлен в исправительно-трудовую колонию.

А слава о Мартынове и его друзьях быстро разнеслась по Васильевскому острову. Одно булавало эти ребят в клубы или парках означало: порядок будет обеспечен. Комсомольцы с завода «Севкабеля» держали связь с молодежью других предприятий, участвовали в городских рейдах, и многие хулиганы были заведены на чистую воду благодаря им.

Василия Мартынова и его друзей можно было встретить и на Невском проспекте, и на Кировских островах, и за Московской заставой, когда там провоздились рейды. Рос четк укороченных хулиганов, поймавших и обезвреженных преступников.

Как-то в большом парке провоз-

дился общегородской рейд. Тысячи комсомольцев пришли сюда на вечер, и надо отдать должное, праздник был организован отличной группой. Но поздно, когда гулянье приближалось к концу, в комсомольский штаб поступили тревожные вестки: с гражданки сорвали шляпу, у девушки сжали часы...

Кто невидимый снова бросал вызов комсомольцам.

Начальник штаба собрал ребят.

— Кто пойдёт?

— Мы, с «Севкабеля»,—вызвался Мартынов.

— Хорошо, только осторожней.

Когда парк уже вовсе затихал, патруль привлек шум у ресторана «Поллава». Высокий тоноконный парень лет двадцатидва кричал:

— Пусть «лещ» поделится! Василий подмигнул ребятам.

— Устраиваем засаду.

Подмигивание приятели шли группами, в каждой человека по четыре. Когда они подошли банже, Василий выступил навстречу.

— «Лещ!»—оклинули он.

— Ну, кто еще?—«Лещ» подошел ближе.—Тамно, не удачно.

— Неужто не узнал! Вася с Васильевского. Огонька нет!

— «Лещ» замел спичку, прикрыл ладонью от ветра огонь.

И в ту же секунду крепкие руки, словно клещи, вложи на его заплечья. Через несколько минут в руках патрулей бархатисты и приятели «Леща».

В комсомольском штабе Василий, обращаясь к склонившемуся над столом паренюку, сказал:

— Зангиш-ах! Их, пока из милиции придет...

Паренек поднял голову и покраснел.

— Коста! Ты!—Василий искренне удивился.

— Я,—ответил паренек.

— Ты кто, знакомый?—спросил начальник штаба.

— Давно,—ответил Василий и улыбнулся.

..Он с токарем Аркадием дежурил в Летнем саду. Группа ушла вперед, а они задержались. И в драгу «Оба ушли» на соседней аллее несколько парней опрокидывали скамейки, урны.

Василий и Аркадий прибавили шагу.

— А ну-ка, расставить все, как было,—крикнул паренюк, но и ему тотчас же подоскочив двое, кто-то подставил ногу... Василий бросился на помощь, но его толкнули назад. Падаю, он ухватился за руку и тут и отпустил ее... Компания за временем разбежалась, оставив своего приятеля в руках Василия.

— Сейчас ты будешь подмигивать скамейки и складывать мусор в урны!—сурово сказал задержанному Мартынову.

Хотел не хочешь, а пришлось парню подчиниться. Нахмурился, он принялся за дело. Потрясающе разговорились.

Паренек попросил:

— Отцу толку не сообщайте. Он инвалид, припадок с ним может случиться...

Василий начал расспрашивать Костю, почему паренюк—а жиник, о семье. Оказалось, тот учился в школе, жил без матери, с отцом-инвалидом. Предоставил самому себе, Коста больше часть времени проводил на улицах, где и попал в дружную компанию.

Разговор получился большой и неожиданно задушевный. Паренек обещал исправиться, встать за маму. Правда, Василий и Аркадий оставили его наедине.

Сколько раз в комсомольских штабах приходилось слышать молбы о прощении, а потом зачастую обнаруживалось, что это всегда была уловка!

Но на этот раз они поверили: может, и действительно исправится парнишка. А вступили сказали:

— В следующий раз попадешься, отцу расскажешь!

И вот встретил! Перед Василием стоял тот самый Коста, который опрокидывал скамейки в Летнем саду. Сейчас он деловито распоряжался в штабе, записывая задержанных. Видно было: без слез; случай в саду послужил ему хорошим уроком...

Есть ли силы в тебе? Это вопрос комсомольскому патрулю ничто не знает, но он попару мелевает. Если тебе силы мелевать с хулиганом, дето ему отпор, не отступит, не дрогнет в трудную минуту, сохранив выдержку и спокойствие! Этот вопрос вставал когда-то и перед Василием Мартыновым. Сейчас, в минуту встречи с Костей, он мог бы, не задумываясь, сказать «да».

В нем есть эта сила, которая поможет очистить жизнь от сверных, выдрать из нее ядовитое, а то, что случайно попало в мутный поток, переплывати.

И только ли с Костей был у Василия подобные встречи! Нет, конечно. Встречался с «башкиниками», которых встретил верный путь, Мартынов первым протянул им руку—руку друга, товарища. Он всегда при этом не мог забыть, что это не просто человек, а человек, который встал на пути к тебе. Сейчас, в минуту встречи с Костей, он мог бы, не задумываясь, сказать «да».

В нем есть эта сила, которая поможет очистить жизнь от сверных, выдрать из нее ядовитое, а то, что случайно попало в мутный поток, переплывати.

И только ли с Костей был у Василия подобные встречи! Нет, конечно. Встречался с «башкиниками», которых встретил верный путь, Мартынов первым протянул им руку—руку друга, товарища. Он всегда при этом не мог забыть, что это не просто человек, а человек, который встал на пути к тебе. Сейчас, в минуту встречи с Костей, он мог бы, не задумываясь, сказать «да».

Нина АЛЬТОВСКАЯ

Запевала

Позовните мне:
Я куд уперед!
Алой розы бутон
У меня на груди.

Ноги сами гудят,
Губы сами поют.
Веди недаром меня
Запевалой зовут.

Для Отчины родной
Мало песни одной—
Я готов за нее
И на труд и на бой.

Алой розы бутон
У меня на груди.
Позовните мне:
Я куд уперед!
г. Ленинград.

Олег ШЕВЧЕНКО

Юность

Путь-дорога дальняя,
топикта возкальная,
суета перронная,
маята гагонная,
мать бессонная,
Споры,

сборы,
топки,
чмадон на полке,
Бельне палатки,

перобор трехрядной,
лиця загорелая,
руки заторелье.
Песни бесконечные
и друзья сердечные.
Пусть погода сверная,
но дорога верная,
светлая, несложная...
Юность комсомольская!
г. Воронеж.

Б. ГУСЕВ,
Д. МАМЛЕЕВ

ПРОФЕССИОНАЛЫ? НЕТ, ЛЮБИТЕЛИ

Воспитанник МГУ инженер Всеволод Шестаков в роли Человека в мантии.

На ступенчатый помост сцены выходит человек в традиционной судейской мантии. Вглядываясь в лица зрителей, он говорит тихо и сурово:

— Приступаем к рассмотрению дела Матисовой и других...

Так начинается спектакль, поставленный в студенческом театре клуба Московского государственного университета по пьесе чешского драматурга П. Когуто «Такая любовь».

Один за другим перед зрителями предстают участники суда — свидетели и обвиняемые: студенты Лида Матисова и Милан Сибор, молодой научный работник Петр Петрус и его жена Лида, их друзья, товарищи по институту. Большинство из них молоды и только-только вступают в жизнь. Они не совершили такого преступления, которое бы потребовало вмешательства прокуратуры. И, тем не менее, их судят — судит общество, судит собственная совесть. За что же?

Молодые люди обвиняются в ражестве и равнодушии, которые привели к гибели одного из героев пьесы. Лида Матисова безза-

ветно любила Петра Петруса — друга детства, но его любовь оказалась мелкой, неспособной противостоять трудностям. Из-за этого погибла искренняя, чуткая ко всему хорошему девушка.

К непростой борьбе с мещанством и ханжеством зовет спектакль, созданный молодым театральным коллективом. В спектакле глубоко и остро поставлены многие вопросы, волнующие вступающую в жизнь юность, а нам чувствуется горячий призыв к юношам и девушкам: задумайся, верным ли путем ты идешь, честны ли твои поступки!

Участники спектакля не профессиональные актеры. Исполнительница роли Лиды Матисовой — И. Саввина — в этом году окончила факультет журналистики. Человека в мантии с большой выразительностью и простотой играет воспитанник МГУ инженер В. Шестаков. Студентка экономического факультета А. Демидова удачно инсценировала в роли Лиды Петрусовой, студент З. Филлер — в роли Петра Петруса. Все они, как и многие другие исполнители, пришли в разное время в коллектив художественной самодеятельности клуба. А закончив университет, не порывали связи с клубом, а продолжали заниматься в драматическом кружке.

В студенческом театре свой устав. Он требует от участников хорошей учебы на факультете, любви и кропотливого труда на сцене. Здесь, как в настоящем театре, регулярно идут репетиции, разучиваются роли, только в отличие от других театральных коллективов администрации и главного режиссера Роланду Быкову приходится считаться с занятостью актеров на факультетах и в лабораториях. Ну, что ж, это не мешает. Все хорошо помнит слова, сказанные в день открытия студенческого театра старшей русской актрисой народной артисткой Советского Союза Александрой Александровной Яблонской: «Я служу на сцене семьдесят три года и сегодня радуюсь, что и вы хотите пойти по дороге искусства. Только, увлекаясь им, никогда не забывайте об учебе, не бросайте университета из-за сцены. Ведь и жизнь и сцена требуют больших знаний, большого труда».

Студенческий театр постановкой «Такая любовь» заявил свое право на существование. Впереди у молодого и талантливого коллектива большая творческая жизнь. В добрый путь, друзья!..

В. ВЛАДИМИРОВ

Фото М. Муразова.

Сцена из спектакля. Петр Петрус — студент З. Филлер, Лида Петрусова — студентка А. Демидова.

КВАРТЕТ АРФ

Фото Г. Герфманова.

Выступает квартет арф Московской государственной консерватории им. П. И. Чайковского.

Четыре более молодые арфы поблескивают нитями струн. Летит хрустальная, словно журчанье ручья, мелодия Чайковского из «Спящей красавицы». Зачарованные слушатели поражены мастерством талантливых артисток.

Этот необыкновенный квартет создан недавно в Московской консерватории. Собственно, и раньше в концертах выступали квартеты,

квинтеты, сексты и даже октеты арф, но, как правило, они объединялись лишь для одного—двух номеров. Квартет, о котором идет речь, впервые создан как постоянная творческая единица, имеющая свою программу.

Началось с того, что студентки консерватории Элла Кузмичева, Наташа Коурина, Алла Бузова и Марина Смирнова год назад вы-

ступили с сольным концертом. Концерт имел успех. И тогда родилась мысль—организовать квартет. Девушки посоветовались со своим преподавателем профессором К. А. Эрдели, которая одобрила намерение и согласилась стать художественным руководителем ансамбля.

Игра на арфе требует высокой техники, а тут надо было заставить четыре инструмента звучать четко, как будто на них играл

один человек. Нелегко было это сделать, иногда маленькая неточность нарушала стройность всего ансамбля. Но ропотница следовала за ропотницей, росла уверенность, крепло мастерство. На VI Всемирном фестивале молодежи и студентов молодые исполнительницы успешно выступили на празднике девушек, на концертах в Московском университете, на юбилейном вечере, посвященном великому русскому композитору М. И. Глинке.

Осенью 1957 года четверем студенткам консерватории предложили выступать в концертах Московской филармонии. Зрители хорошо приняли и «Менуэт Бизе», и «Вальс» Чайковского, и вальсы Штрауса. Вскоре Государственная комиссия на выпускных экзаменах консерватории подтвердила успехи юных артисток. Кончилась пора студенчества. Квартет арф начал свою жизнь в искусстве...

А. МАКАРОВ

На репетиции.

Девушка из Сучжоу

Пряма в гостиницу, преподаватель из Сыктывкара Владимир Георгиевич Зыкин нашел у себя на столе записку: «Я должен Вам лично передать один подарок... Ждите меня в воскресенье...»

«Кто бы это мог быть?» — думал Владимир Георгиевич, вспоминалась в неразборчивую подпись, но так и не смог догадаться. И лишь когда в назначенный день к нему пришел автор записки, Зыкин узнал в госте своего старого знакомого. Это был тот самый китайский юноша, испривант одного из московских вузов, который так любезно согласился на чертить геральдику на бандеролю, которую Владимир Георгиевич отправил в Китай. Позвонившись ему на улице Горького, в магазине «Книги стран народной демократии».

— Так вы посылаете бандероль

в Сучжоу? — спросил тогда китайский юноша. — Это же мой родной город!

— В таком случае вы должны знать Гу Вьнь-си! — обрадовался Зыкин.

— Как же, знаю! Она передовик труда, и ее знает весь Китай. Побывав у себя на родине, китайский друг навестил Гу Вьнь-си и рассказал ей о своем московском знакомстве. Девушка поблагодарила за привет и, в свою очередь, попросила передать Владимиру Георгиевичу Зыкину подарок — вышитое ею платно «Маленький котенок». Очень расстроила Владимира Георгиевича надпись, сделанная на оборотной стороне вышивки: «Советским папе и маме от их китайской дочери Гу Вьнь-си».

«Советским папе и маме...» Сколько душевной теплоты в этих льющих от сердца словах!

А ведь зарпное знакомство китайской девушки с русским преподавателем началось всего лишь год с небольшим назад.

— Однажды, просматривая газету «Дружба», Владимир Георгиевич обратил внимание на корреспонденцию о 26-летней китайке Гу Вьнь-си, на долю которой выпал наибольший успех на Лондонской международной выставке прикладных искусств. Посетители китайского павильона тесным кольцом окружили стол, за которым работала авиационщица, и с напряженным вниманием следили за каждым ее движением. Один английский корреспондент так сказал о работе китайской мастерицы: «Если бы я не видел своими глазами, как это делается, то никогда бы не поверил, что вышивка выполнена человеческими руками».

...Скучные строки корреспонденции, прочитанной в газете «Дружба», глубоко взволновали сыктывкарского педагога, и он написал письмо вышивальнице и Гу Вьнь-си.

Вместе с письмом Владимир Георгиевич послал ей и подарок книгу о знаменитых русских умельцах.

Вскоре из Сучжоу пришла ответ. «Не знаю, как Вас благодарить за любовь к нам, к нашему народу... писала Гу Вьнь-си. Мои подруги с интересом рассматривали Ваш подарок. Мы хотим больше знать о Советском Союзе, но, к сожалению, не знаем русского языка. Большой привет Вашей супруге Клавдии Дьячковой. С нетерпением жду добрых весточек от Вас. Мне очень хотелось бы получить Вашу семейную фотографию». В конверте лежали две вышитые шелком закладки для книги — подарок супругам Зыкиным... Так завязалось это интересное знакомство.

«Очень хочу встретиться с Вами», — написала в одном из последних писем Гу Вьнь-си. И сейчас в доме Зыкиных с нетерпением ждут дорогую гостью из далекого города Сучжоу.

А. ПОПОВ

Сердцу красавиц и сердцу невест
Часто нравится внешний блеск.

Все, например, кто знакомы с Симою,
Знают, что Симма любит красивое.

Симма киской прижимается к отцу:
— Ах, симме клипсы мне так к лицу!

И вот уж, зеркала в попутных зданиях,
В новеньких клипсах спешит на свидание,

Туда, где на сквере, под липовой сенью,
Ждет ее мальчик по имени Сена.

Сена — слесарь. Его за что-то
На днях «повесили» на доску почета.

Он физкультурник. Передовик.
Но к жизни культурной он не привык.

Сена мог бы быть просто красивым,
Если б вещи со вкусом носил он.

Разве, к примеру, было бы хуже
Галстук чуть-чуть затянуть потуже!

Симма на Сеню смотрит придирчиво:
Ей режет зренья костюм коричневый.

Жаль, горечь Симмину он не поймет:
Коричневый к сипетке не идет!..

Ах, этот Сена! Забавный парень!
Вздумал девушку звать в планетерий!

Взгляд у Сены влюбленный и кроткий.
— Не хочешь? Давай покажемся в лодке...

— В лодке! Ангину схватит! Нет, братей!
Мы отправляемся к Гарнику в гости.

Сена сердится: — Кто он такой!
— Прошу без ревности, мой дорогой.

2

В доме у Гарника, словно в салоне,
Стены и шторы в малиновом тоне.

В доме у Гарника радиола
Бьется в истерике рок-н-ролла

И содрогаются пары от ритма,
Делая вид, что им вовсе не стыдно...

В доме у Гарника — Гаар или Инцца...
В доме у Гарника — заграница...

Если случайно сюда попадете,
Речи «туземцев» не сразу поймете.

Здесь неохотно [с мною тяжелой]
Место работы зовут «шарашкой».

Ладно — «шарашка».
Здравствуй — «о-кэй».
Главная улица — это «Бродвей».

Поговорить — это будет «общнуться»,
Потанцевать в их устах — «прошвырнуться».

А непременно, красиво, полезно —
Все заменяется словом «железное».

— У Боба чудесный ковбойский галстук...
— Точно!
— Железной!
— Сеньор, не хвастай.

— Нелли, душка... Ты просто «счастливищник».
Где мне достать без бретелек личник!

— Папа может достать, что угодно.
— Блеск! Колоссально!
— Как это модно!

В доме у Гарника — модные «штучки»:
Дамы одеты в узкие брючочки.

В шелковых кофточках денди с усам
Блещут зеркальными волосам.
[Встретить таков — и ломашь голову:
Кто тут из них какого полу!]

ИГОРЬ КОБЗЕВ Симма ЛЮБИТ КРАСИВОЕ...

РИСУНКИ Е. ГУРОВА

3

Трудно в их обществе тикнуть Сене.
Грустное, в общем-то, положение.

Плохо он выглядит в скромном костюме,
Даже не сшитом, а купленном в ГУМЕ.

Обувь у Сены не как на картинке —
Он под сиденье прячет ботинок.

И на вопрос: — Не танцуете, сэр! —
Робно бормочет: — Только присел...

Все уже шепчутся: — Что, мол, за парень!
Симма, конечно, он просто не паря!

— Как он одет! До чего некрасиво!
— Да, наконец, он шокирует Симу!

Но тут начинается главная драма:
В комнату входит нарядная дама.

Гарик при этом сжимается прямо
И представляет: — Пardon! Моя мамал!

Мама приветствует: — Здравствуйте, дети!
Кто это так наследил на паркетел!

Мечется по полу взгляд ее строгий
И упирается в Сенины ноги...

Мама обижена: — Гарик, детина!
Ну, подстели жем гостю газетку.

Ах, ничего здесь позорного нет,
Просто чище будет паркет!

Снова царит рок-н-ролл на паркете,
Только лишь Сена сидит на газете.

В «глухом» костюме, в «пошлых» носках,
В грубых, «затюпанных» башмаках.

Молча моргает у всех на виду
И вдруг объявляет: — Ну, я поеду!..

4

...Сердцу красавиц и сердцу невест
Часто нравится внешний блеск.

Но, к сожалению [я вырванусь резко],
Мало у Сены этого блеска.

Мог бы и он щеголять полущее,
Если бы в дом не носить полущу.

Если б отец не погиб в бою,
Если бы кто-то нормал семью,

Если б не был братишка болен,
Если бы сам не учился в школе...

Сена шагает злой и угрюмый,
Лезут чь-то чужие думы:

Но о спорте, не о работе,
О шевоте и коверюте.

Вот бы, мечтаю — чего имлею! —
Выиграть тысячу б в потерю!

Сшить себе ладный костюм из бостона,
Что еще надо для холостого!

Стать представительным и красивым,
Прямо к Смене прицпачать в такси бы,
Дверцу открыть и сказать:— Прошу!
Я этим гариком доканю!..

5

...По этому поводу мыслил иначе
Кассир завода Максим Иваныч.

Он считал: не умеют ребята
Правильно тратить свою зарплату.

Нет, чтоб учиться, как жить по средству,
Нет, чтоб прилично уметь одется!

Смотришь: точь-в-точь — совсем еще
малычки,
А уж не прочь заглянуть в стаканчик!

Благо, забота есть о подростках:
Пиво в kiosках — на всех перекрестках...

...Максим Иваныч синская известность
За аккуратность свою и честность.

Я бы сказал, да боюсь, красиво:
Золото — сердце таких кассиров!

Сколько миллионов перелистают,
Но, как мистеры, ошибок не знают.

Руки их чистые, как в аптеке,
Не прилипает к ним ни копеечки!..

...Вот он в банке, сутуловатый,
Считает завтрашнюю зарплату,

Прячет в сумку, дерга за ручиц,
Крупные суммы рабочей пощипиц,

Пачки новеньких, непомятых,
Светлых сотенных, зеленюватых...

Жаль, что не видит кассир при этом
Двух молодчиков разодетых,

В кофточках ярких и даже с тростью.
[Такие к Гарнику ходят в гости!]

Быстро, куда брал деньги в руки,
Врезали бритвою дно у оушиц

И незаметно пошли в отдаленный
Блудные рыцари преступленья.

Ждали, чтоб деньги на землю упали,
Да, видно, струсили и отстали!..

...Сена глянул: прошел поодаль
Максим Иваныч, кассир с завода!..

А на панели вдруг перед Сеней...
Что это?

Здорово!

Пачка денег!

Пачка новеньких, непомятых,
Светлых сотенных, зеленюватых.

Десять тысяч! Почти как в сказке!
И ни за что! За красивые глазки!..

6

Сена в двери вбежал вприпрыжку:
— Эх, запируем теперь, братишка!

Брат глядел голубыми глазницами,
Как он хрустел золотыми тыщцами,

Брат «Мухометов» захопнул даже.
— Слушай, Сена!

А что мамка скажет!

...Мать вдовую ребят растлила,
А все же поведьев не упустила.

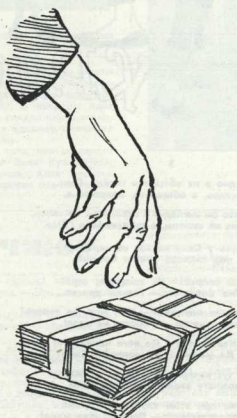
Растлила парней, за одно беспокоясь:
Не за чистый паркет, а за чистую совесть!

Чтобы иконой им был до конца
В рамке точеной портрет отца.

Чтобы примеру его подражали,
Чтобы за шкуру свою не дрожили,

Чтобы им твердо была известна
Русская гордость и русская честность,

Та, что и труду не питает страха,
Чужую беду не считает за сахар

И с горьким укором иным говорит:
За чужую цену, мол, зуб не болит!

...Мать с сожаленьем смотрела на Сено:
Ишь, как расцвел от негаданных денег!

Сердцу до слез становилось обидно:
Учила, учила, а толку не видно.

Не по себе становилось и Сена
От материнского осужденья.

Он-то ведь помнил, за кем он шел,
Понял, чью он казну нашел...!

Зря он старается ради Сены —
Получается некрасиво!

Правильно мать говорит: «Отнеси».
Черт с ним! —
С Симочкой и с такси!..

Сена стрелою мчится туда —
В дом, где беда оттерла ворота,

В дом, где всю радость сломало несчастье.
«Здравствуйте! Я починаю! Я мастер».

И перед скорбной семьей кассира
Денгк об стол — хлоп! — со всей силой!

И улыбулся вдруг, торжествуя,
И захлебнулся в их поцелуях...

7

А в доме у Гарни в воскресенье
Все разговоры только о Сене.

Сима стонет:— Выдали урода!
Десять тысяч нашел — и отдал!

Мог бы меня всю одеть в нейлон!
Я-то думала, что влюблен!

Мысли в туманы летят, далеко:
Из чужого кармана платить легко!

Гарик плечами лишь пожимает:
— Же не се па! Я не понимаю!

Вмиг — пожалуйте! — все досталось:
Туфлик, галстук, рестораны!

Можно прямо плавать на деньги,
Стать наряднее манекена!

Можно такой макинтош отгротать,
Что на «Бродвее» все будут охать!

Ну, до чего ж эта честность глупа!
Просто не знаю! Же не се па!

Тут мама Гарника вдруг перебила:
— А я бы тоже так поступила.

Уж, видно, немало хитрила дотоль —
Решила сыграть «благородную роль».

Встала, шурша контрабандным нейлоном:
— Надо быть чистым перед законом.

[Что же! Конечно, это бывает:
Три дня не евши,
а в зубах ковыряет.]

Но в общем-то гости были согласны:
Все это просто казалось несмысли!

Им это все непонятно было.
И Сима Сено не оценила!..

Сердцу красавиц и сердцу невест
Больше нравится
внешний блеск.

Рената не знала, что на самом деле произошло с ее сестрой. Ей сказали только, что в состоянии здоровья сестры наступило резкое ухудшение и поэтому доктор к ней временно не приходит.

Рената каждое утро приходила в больницу и слышала одно и то же:

— Вашей сестре по-прежнему очень плохо.

А на самом деле произошло вот что...

Немские товарищи из местного комитета безопасности установили, что сестры Ренаты Целлер совершенно здорова. Разоблачение мнимой болезни было произведено очень быстро. Связанные с ней люди даже и не подозревали, что кто-то задумал об их физическом благополучии Алисы Целлер.

Просто в местный отдел здравоохранения поступило малограмотное письмо, в котором одна из медсестер обращала внимание на бесхозяйственное использование больничных помещений. Среди других фактов приводился и такой: в отдельной палате содержится знакомый главного врача, хотя эта больная могла бы лежать и в общей палате.

Для расследования заявления отдела здравоохранения состав комиссия товарищей. Однажды утром комиссия появилась в больнице и начала осмотр палат. Комиссия пригласила к работе около десяти часов утра, а к половине двенадцатого исчез главный врач. Он сумел покинуть территорию больницы, не замеченный работниками госбезопасности.

В течение получаса консилиум врачей установил симуляцию больной Алисы Целлер, и она прямо из больницы была переведена в управление госбезопасности. Понятно, что ее не окончила, но, видимо, надеясь еще на что-то, Алиса Целлер отказалась отвечать на вопросы.

Три дня продолжались бесплодные попытки добиться у нее признания, но она упорно молчала. Очевидно, она хотела выиграть время для того, чтобы ее сообщники успели тоже бы скрыться. Поэтому квартира Алисы Целлер и ее сестры Ренаты находилась под постоянным наблюдением.

А Рената каждое утро приходила в больницу и затем шла домой на квартиру сестры.

— Погода в это утро была отвратительная. Низко, казалось, над самыми крышами, летели грязные равные тучи. Сидела Алиса в кресле. Пылая воротник пальто, Рената Целлер шла из больницы домой.

«Что же это с сестрой?» — тревожно думала она. В последнее время Рената все чаще вспоминала странный вопрос следователя, за которым явно скрывалась сомнения. В самом деле странно: болезнь у Алисы тяжелая, а выглядела она хорошо. И почему, наконец, главный врач оказывал ей и Ренате такое предпочтительное внимание, такую заботливость? Размышления Ренаты о сестре тотчас связывались с тревожными воспоминаниями о пережитом ею за последнее время, в том числе о самом страшном, что случилось тогда, в Берлине, возле Варшавского моста. А все началось с того, что к ней явился человек с запиской от Алисы. Значит, Алиса тоже знала, что их отец жив. Но в таком случае почему, когда однажды в больницу зашел об этом разговор, Алиса вдруг заерничала и, сославшись на скарбенине, уклонилась от прямого ответа?

Рената подошла к перекрестку. Она уже так привыкла к своему постоянному маршруту, что механически шагнула с тротуара на асфальт. Все, что произошло в следующие мгновение, было непонятно, как кошмарный сон.

— Рената слышит слева нарастающий гул мотора. Она оглядывается. Прямо на нее с огромной скоростью мчится низенькая машина черного цвета, а рядом — большая, темная — догонит эту черную... Чья-то сильная рука хватается Ренату за плечо и отбрасывает назад, на тротуар. Рената падает... Обе машины протаранят у самой крошки тротуара. Большая машина наезжает на черную и прижимает ее к тротуару... Черная машина врывается в чужую тротуарную тумбу и опрокидывается набок. Из нее выбирается высокий плечистый мужчина в короткой кожаной куртке. Он пошатываясь и враз с неожиданной проворностью прыгает

на тротуар и скрывается в воротах... Выскочившие из зеленой машины люди — их было четверо — с пистолетами в руках подбегают к лежащей на боку машине. Один из них брокается за человеком, скрывающимся в воротах...

— Все это произошло в течение нескольких секунд. Рената Целлер не успела даже подняться. Стоявший рядом молодой человек наклонился к Ренате:

— Вас не задело?

— Нет.

— Впрочем я вас схватил. Давайте ружье...

22

Покупатель был на редкость нудным и выдвигалым. Букнист никак не мог понять, что нужно было этому господину с постным, как у священника, лицом.

— Покажите мне что-нибудь из области истории.

ВАСИЛИЙ АРДАМАТСКИЙ

Сожжение системы Хайссона

ПРИКЛАДЧЕСКАЯ
ПОВЕСТЬ

Рисунки А. Лурье.

(См. «Смена» №№ 16—20)

— Пожалуйста, вот вам история, целая куча историй.

Добрых полчаса покупатель рылся в этой куче, мусолил каждую книжку, а потом высказался. Хотелось бы знать, что ему нужна всего-навсего история мюзикл.

Оказалось, ему нужны еще исторические романы, в которых описана жизнь великих музыкантов, скажем, Бетховена или Моцарта. А лучше всего Вагнера.

— Этого, извините, нет... — Букнист начал терять терпение. Он стоял, облокотившись на стеллаж и с неангажированным взглядом смотрел на покупателя, близоруко похрюкившего носом. Но когда покупатель поднимал голову, на лице букниста мгновенно появлялась любезная улыбка.

— Вы бы хотели принести заказ на такие книги? — скрипящим голосом спросил покупатель.

— С удовольствием... — Букнист понял, что покупатель наконец ушел, шариком подкатился к конторке и достал оттуда грязную тетрадь.

— Слушаю вас.

Покупатель сказал адрес и снова начал рыться в книгах. Слово зарочно, он выбрал самую тоненькую и протянул ее букнисту.

— Заверните, пожалуйста. Не зря я вас беспокою... Первый раз на лице покупателя мелькнуло что-то похуже на улыбку... Сколько это стоит?

— Пять марок, — прорычал букнист.

— Пожалуйста, — Покупатель недолго замолтал свое шарфом, застегнул пальто на все пуговицы, поднял воротник и вышел из лавки. Букнист остереженно стукнул кулаком по прилавку и вынул за гардину.

В комнате, где в спок время Зигмунд Лисовский принимал Посельскую, теперь сидел худощавый молодой человек лет тридцати. Одет он был в трепаную кожанку, а на столе перед ним лежала фуражка-тепльмаха. Букнист шарил на стол полученные от покупателя пять марок.

— Вот цена моего выдержки. Еще минута — и я бы его застрелил.

Молодой человек взял смятые деньги и аккуратно разгладил их ладонью.

— Не узнаю вас, Курт. Неужели ваши перья так пошевелились? И мы, выйдя, перепачкаем вам? — Молодой человек говорил по-немецки довольно хорошо, но с той старательностью, которая выдавала в нем иностранца. Букнист смахнул ладонью глаза.

— Вы же были в школе с Зигмундом Лисовским? — Господи Крамер, покупатель явно переплелся за ваши нервы.

— Я вас не понимаю, — вспыхнул букнист. — Что вы изображаете из себя, Зигмунд? Вы же не знаете, что случилось во Франкфурте. Зигмунд Лисовский буквально выпрыгнул из пелен, и, наконец, просто счастье, что Карл разбился насмерть. Он слишком любил себя и продал бы нас, как баранов, поштучно.

— Вы уверены, что он действительно мертв?

— Так сообщено в газетной хронике.

— А если это сообщение напечатано нарочно, чтобы сберечь остатки ваших нервов?

— Да? — Букнист посмотрел испуганно на собеседника.

В это время где-то под кроваткой послышался звук, похожий на приглушенный захлопок. Букнист и его гость вздрогнули, посмотрели друг на друга.

— Кто это? — растерянно протянул букнист. — Все было предупреждено, что нужно ходить через лавку открыто. Букнист задался и вдруг обещанно прошептал: — Это может быть только Зигмунд. Он один не знает условия сегодняшней явки.

Букнист не ошибся. Под кроваткой с ровными паузами послышались четыре глухих удара. Букнист и его гость отодвинули кровать, отступили угол покрашенного пол линолеума и открыли искусно замаскированный люк. Из черноты подземного хода показалась голова Зигмунда Лисовского. Молча он выбрался из люка, пошел к столу.

— Ты Карл, — заговорил он наконец сильным шепотом, — трус и дран! — Ладно, ладно, — букнист махнул рукой, — он мертв, и ему уже нельзя стать другом.

— Как все это произошло? — сухо спросил молодой человек.

— До этого дня мы дважды могли покончить с ней, но Карл, видите ли, казалось, что на улице не было ни одного прохожего. Почему мы сами не сели за руль? — быстро спросил молодой человек.

— Я привык делать то, что мне приказано — злобно огрызнулся Лисовский.

— Понимаю. Я забыл, что немцы дисциплины — вторая религия. А мое задание в отношении отца Анны Лорх?

— Излишняя настойчивость спугнет его, — Лисовский пожал плечами.

Ладно, допустим. Так что же все-таки случилось?

Лисовский продолжал рассказывать: — В решающий момент у Карла зашлоло зажигание, мы отстали, а затем он на дикой скорости стал увертливаться и уклониться и обогнал в десятках метров от Целлер, мы обнулили погоню. Карл заверничал и еще прибавил скорость. В результате мы пролетели мимо Целлер и стукнулись о машину погонщика. От удара мы выскочили на тротуар, и мы врехали в тумбу.

— Карл действительно убит?

— Да. Он грустно ударило о руль, и сразу у него зноя рта хлынула кровь. От этого обычно умирают, — тяжело усмехнулся Зигмунд. — Бескоре через лавку в комнату за гардиной пришли еще два человека, после чего букнист запер входную дверь и вывел нас на ней табличку «Обла»...

23

...Уже несколько дней немецкие товарищи вели пристальное наблюдение за лавкой букниста. Делать это было бесполезно. Дом и квартиру Лисовского лавка, со всех сторон был окружен руинами.

Одни из постов наблюдения находились метрах в двухстах впереди лавки, там для маскировки была имитирована разборка руин и

вывозка кирпича. При помощи мощной оптической аппаратуры оттуда хорошо просматривался вход в лагуны. И не только просматривался, но и фотографировался. Этот пост назывался «Каменичка». Второй пост наблюдения располагался в глубине разрушенного квартала, позади лавки букниста, на вершине громадного каменного кургана. Он назывался «Пирамидка». Здесь, на этой горагоде кирпича, однажды ночью был отрыт и оборудован блиндаж с круговым наблюдением.

Когда надевшийся клиент букниста покинул лагуны, дежурный на посту «Каменичка» положил руку на пусковой рычаг киноаппарата, но его остановил товарищ:

— Не надо, это Иоганн Ремке.

Документальщик пошел, а же Иоганн Ремке медленно направился в сторону оперативного пункта номер два.

Вскоре пост «Пирамидка» заметил другого человека, который становился возле школы разбитого дома и долго смотрел по сторонам. Убедившись, что никто его не видит, он сошелся и нырнул в дыру полуразрушенного окна.

— Вызываю оперативный пункт номер один. Говорит «Пирамидка». Только что...

— Мне поручено передать вам, что мистер Форстер считает вашу работу очень плохой. — с этого начал худощавый в потертанной кожанке, когда собрался все, что был вызван к букнисту. — По-видимому, вы повторите главную ошибку своего незадаблого фюрера: самоуверенность за счет дурной: два опытных человека не сумели справиться с девочкой. Те, кто гнался за вами, не могли догадаться, что вы хотели сбежать?

— Не думаю. Наш человек, наблюдавший всю эту историю, сказал, что девка упала со страха, ей помог встать какой-то прохожий, и она пошла домой. — В ее старшей сестре вы уверены? — Абсолютно, — ответил букнист. — Главный врач больницы дал ей яд. Как только она увидит, что вы для нее ничего сделать не можете, она умилет навеки.

— Давно это надо было сделать. Что касается главного врача, то он уже у нас. Сорван с хорошей стратегической точки еще один наш человек. Франкфурт стал для нас безплотным. И вез-за того, что мы никак не можете отказать от провинциальной театральщины, которую так обожают ваше государство. Зачем нужно было младшую Целлер вызывать во Франкфурт и инспектировать больницу старшей? Не могли покончить с младшей здесь?

— Главные мы сделали: русский офицер у нас, — резко сказал букнист.

Худощавый в кожанке даже бровью не пошевелил.

— С отцом вашей спотеренки вы связались наконец? — обратился он к Лисовскому.

— Да. Состоялся первый разговор.

— Ну и что?

— Не помиралась он мне. Молчит. А когда говорит, изворачивается, как уж.

— Когда вы с ним встретитесь еще?

— Договорились в воскресенье. Он придет сюда в два часа дня.

— Хорошо.

— Теперь всем вам предостоят начать совершенно новое и не очень сложное дело.

Худощавый тщательно затушил сигарету и продолжал: — Война набросала в жизнь множество подростков, у которых нет родителей. Нужно набрать их как можно больше. Говорите мне: «Идите в Западный Берлин, улица Беккермана, 19, четвертый этаж, квартира 105. Пусть спросит там Вольфганг Клоза, и он даст каждому легкий и хороший заработок. Таких подростков нам нужны сотни. Они смугты и янтарны ввиду неприятностей красным.

Худощавый внезапно замолчал и требовательно посмотрел на букниста.

— Кто там может стучаться?

— Не знаю, — растерянно ответил букнист. Они встали и направились в лагуны.

— Стойте! — крикнул худощавый. — Быстро откройте подпольный ход! Мало ли что...

Открыли лагуны.

— Теперь идите. — Худощавый занял место

у самого люка. — В случае опасности громко произнесите слово «да». Идите!

Опасность возникла одновременно с двух сторон. Из лавки прозвучало громкое «да», а в темноте подвала заматался блики яркого света и послышался лай собак.

— Выбросить оружие! — тихо приказал худощавый, и первый шмырнул в форточку своей пистолет. — Закрыть люк!

В комнату ворвались сотрудники немецкой гестапо.

Руки вверх!

Четверо послушно подняли руки.

— В чем дело? — спросил худощавый, стараясь ногой придвинуть кровать на место.

Мы всего-нашего комиссионеры букниста. Что вам от нас нужно?

Из-под пола донеслись голоса и остревелый собачий лай.

— Выходите, господа комиссионеры, через лагуны, быстро!

24

Майор Хауссон еле сдерживал себя. В который раз он пытался сломить волею лейтенанта Кованькова, но все его усилия были пока тщетными. Этот парень, а ведь, возмущительно молод. А Хауссон не мог с ним справиться.

— Неужели вы, мистер Кованьков, не видите возможности? Трехминутное заседание у микрофона, и все! А дальше карьера, которая поведает многие люди. А хотите — обеспеченная жизнь в любой стране. Скажите-то вам у микрофона нужно слушать чужую: что Советам только с целью пропаганды сообщают о поставках в Восточную Германию русского продовольствия.

— Наверное стараетесь. Я советский офицер, мы брезгли не занимаем.

— Вы уедете в Америку или в любую страну вместе с Ренатой Целлер. Она ждет вашего решения. — Майор Хауссон впервые выбрасывал этот козырь.

— Не дожидается и она.

Хауссон смотрел в голубые, чистые глаза Кованькова и раздраженно думал: что же может сломить упорство этого по-девичьи чужого парня? Где было майору понять, что перед ним сидит не просто парень, а комсомолец, который к тому же всего месяц назад получил карточку кандидата в члены партии коммунистов? Если бы Хауссон понимал, что это означает, он перестал бы сомневаться.

— Наши разговоры с вами не могут длить-

ся бесконечно. Мы можем заставить вас сказать то, что нам надо. — Хауссон впервые угрожал. Он вглядел жестким взглядом в Кованькова, но так и не увидел в глазах лейтенанта страха или смущения.

Давно тогда и к этому. — Кованьков посмотрел на майора с насмешкой.

Хауссон встал.

— Подумайте до завтра...

В кабинете на своем столе Хауссон обнаружил шифровку: «Арестована группа букниста, в том числе наш связной Грант. Из группы, по предварительным сведениям, на свободу остался один Арнольд Шокман».

Работа разредела уста содрожана с риском. И потому, как иль был Хауссон раздражен упорством русского лейтенанта, он спокойно прочитал шифровку и запер ее в сейф.

Судьба потерпевших людей его не волновала. Он уже давно привык таким людям именовать сброшенной картой. Хауссон с огорчением подумал только о ликвидации букнистической лавки. Очень уж хороши был способ прикрытия группы!

Хауссон вызвал стенографистку и продиктовал донесение начальству о провале группы букниста. Оно еще не было зашифровано, как звонил телефон прямой связи с берлинским комсезотом.

Хауссон поднял трубку.

— Слушаю... да... Когда? Я сейчас приеду. Положив трубку, Хауссон приказал стенографистке пока не отдавать донесения в шифровальный отдел.

— Будет дальнейшее дополнение, — сказал он, торопливо одеваясь.

25

В комендантуре, как всегда, царил шумный толчек. В сумрачном коридоре к окошкам, где выдвигались разные справки, тянулись очереди изгнанных немцев.

Хауссон, не поднимая глаз, быстро прошел в конец коридора и на лифте поднялся на четвертый этаж. При выходе из лифта его встретила коренастый офицер с непропорционально маленькой головкой, с мялкими и острыми чертами лица. Пока они шли по коридору, офицер докладывал:

— Она явилась час назад. Красная, нездоровая. С нами говорить отказалась. Потребовала представителя из нашего ведомств и прибавила: «Сообщите туда, что я пришла по делу букниста».

— Так и сказала «по делу букниста»? — на ходу быстро спросил Хауссон.

— Да, точно так.

— Как она называла ваше ведомство? — истинная полиция. Прощу сюда! — Офицер распахнул перед Хаусоном дверь. Девушка, сидевшая на диване, при появлении Хаусона встала.

Майор окинул ее небрежным взглядом, не сдвигая пальца с кресла. — Прощу вас сюда, — сухо сказал он и показал девушке на стул. — Что там у вас? Только короче. Мне некогда.

— Вы из политической полиции? — недовольно спросила девушка. — Нет, мы хотим, да. Но говорить короче! Мне некогда...

Такое поведение Хаусона несколько смутило Посьельскую. Предполагалось, что ее приезд вызовет здесь большой интерес и ей будут предоставлены всевозможные подробности вплоть до тщательно разработанную версию своего побега в западную зону.

— Мне имя — Аня Лорх. Мой отец, бывший офицер морского флота Вильгельм Лорх, вез в военное арестован в связи с провалом группы людей, имевших связь с бунквистом на Гельмутштрате.

— А откуда вы знаете об этих людях и о каком-то бунквисте? — насмешливо спросил Хаусон.

— Мне же сама была связана с ними, — будто удивляясь неадекватности Хаусона, ответила Посьельская.

— Интересно, что это за люди и, наконец, почему все это для вас интересно? — спросил Хаусон. — Зигмунд Лисовский, Альма Гук, сам бунквист, Арнольд Шюман и другие. Я была хороша с ними знакома.

— Мне эти люди неизвестны, — раздраженно произнес Хаусон и посмотрел на часы. — Что вы хотите от меня?

— Прощу политического убеждения, — устало проговорила Посьельская. Она была в страшном смущении: неужели в разработке операции допущена такой промах и группа бунквистов на самом деле не связана с ведомством Хаусона?

— Что может быть проще! — рассмеялся Хаусон, вставая. — Считайте, что вы уже убежили уже получай. Хаусон вынул из стоящего у стены офицера — в одно мгновение бумаги. Больше у вас нечего нет? — Не дожидаясь ответа Посьельской, Хаусон ушел.

Посьельская, сопровождаемая офицером, спустилась на первый этаж в комманданту-турму.

— Садитесь карточку вот сюда. — Офицер показал на чиновника, сидевшего за высокой стойкой. — Тут же вы получите необходимые документы. Прощу извинять, у меня тоже дел. — Острая физиономия офицера чуть сморщилась вежливой улыбкой. — Желаю успеха. Офицер снова поднялся на четвертый этаж, где в одной из комнат его нетерпеливо ждал Хаусон.

— Ну, что она?

— Заполняет карточку. Извините, что я вывел вас, но мне показалось, что она представляла для вас некоторый интерес. Я подала...

— Не некоторый, а значительный, — прервала офицера Хаусон.

— Но вы же...

— Так надо. За ней нужно дать три наряда. На случай провакации. Дайте ей необходимые документы, посылите ее в отделе. Сегодня ей кажу-нибудь работу. Все это делайте так, чтобы у нее и мысли не возникло, что ей делают какое-то исключение. Просто такой у нас порядок, в все. А главное — выделение. Мы должны верить каждому из нас. Сегодня у нас среда. В субботу привезете ее ко мне на улицу Хеншель.

26

Это была старая третьегвардейная гостиница. Посьельская получила маленькую, узкую комнату с единственным окном, выходящим в тесный, захламленный двор. Прежде это была самая тщательным образом исследованная комната, но ничего подозрительного не нашла. Наташа опустилась в кресло и задумалась...

— Неужели вся операция идет прахом? Но тут Наташа вспомнила старый совет полковника Хаусона: не сомнесьте. «Сюда вы и будете торопиться». И все же попробуем проверить...

Посьельская положила чемодан в шкаф, оделась и вышла из отеля. Она шла по оживленной торговой улице, подолгу останавливаясь у витрин и рекламных щитов. Это позволило ей безобозначенно установить: за ней идет наблюдатель. На душе у нее просветлело. Раз за ней лучше шпик, значит, она им не так уж безразлична, как это пытался изобразить майор Хаусон.

В отеле Посьельскую ожидала новая радость: она без труда установила, что на время проваки чемодан был открыт и просмотрен. Теперь Посьельская была уже почти уверена, что майор Хаусон разглядел свое равнодушие к ней. Ну что ж, проверьте, майор Хаусон!

Бесердечная Наташа Посьельская спустилась в ресторан отеля. Тесный, с низким потолком, он был набит людьми, табачным дымом, визгавшей музыкой и качающимся гулом голоса. Ни одного свободного столика не было. Посьельская из дыма перед ней возник лощеный молодой человек с желтым лицом.

— Вам нужно место под ночным солнцем? — спросил он на хорошем русском языке.

— Я не понимаю, что вы говорите, — произнесла она по-немецки.

— А вы немка? — удивился шеголь, переключившись на довольно скверный немецкий язык. — А нашей компании почему-то показало, что вы русская. Если вам нужно место, идите. — Он бесцеремонно ввел Посьельскую за руку к столику в темном углу, расположенном за оркестровой эстрадой. В компании шеголя оказались две девушки и парень. Все они говорили по-немецки нечисто. Шеголь, знакомый с ними Наташу, сказал, что все они русские и работают в западном Берлине.

Около часа за столом шел ничто не значащий разговор. Шеголь, словно забывшись, вдруг задал по-русски вопрос и, смотря в глаза Посьельской, ждал ответа. А не дожидаясь ответа, начал по-немецки.

— Вы забываете, что вы не знаете русского! Эта игра для Посьельской была не такой уж легкой. Опасно было переиграть. Ей приходилось напряженно следить за каждой фразой собеседника. Если вставал вопрос Посьельскую не внятно фразу непонятной, она отвечала. Но если вставленное слово несло в себе главный смысл фразы, Наташа недоуменно поднимала брови:

— Как вы сказали, я не поняла?

— Некоторые русские слова он эпонимал; это соотносилось одному из обстоятельств версии ее бегства на Запад: там, на Востоке, близким другом Аня Лорх был русский. Посьельская поужалась, распласталась и ушла к себе в номер.

На другой день Наташа, как советовали ей в коммандуре, сходилась в бюро найма рабочей силы и встала на учет.

Вечером третьего дня, когда Посьельская уже собиралась ложиться спать в номер без стука вошел офицер, с которым она имела дело в коммандуре.

— Одевайтесь, пожалуйста, — не здороваясь, сказал он. — Нужно поехать в одно место, вы будете там в течение часа.

Офицер сам вел машину и всю дорогу молчал. Ехали очень быстро, и проследить путь Посьельской не удалось. На несколько секунд машина остановилась, чуть не упершись фарами в глухой высокий ворота, которые тут же распахнулись. Посьельская вспоминала описанный Рычаговым дом Хаусона на улице Хеншель. Судя по всему, ее привезли именно сюда.

Теперь майор Хаусон был измученно вежливо внимателен. Он усадил Посьельскую в кресло, предложил кофе, сигареты. Заметив ее удивление, он рассмеялся.

— Прощу прощения, господа Лорх, но так было нужно. Согласитесь, что сразу в таких делах верить на слово непростительно. Как минимум, мы должны были убедиться, что Аня Лорх это действительно Аня Лорх. А теперь мы можем разговаривать откровенно. У меня к вам несколько вопросов; кого из группы вы будете считать наиболее важным? — Зигмунд Лисовского, Альму Гук, Арнольда Шюмана.

— Простите, но Арнольд Шюман как будто не арестован?

— Да, он арестован, в течение двух дней после провала группы бунквистов он был еще на свободе.

— Вы работали с Лисовским? — Дело в том, что работы это не было. Лисовский интересовался моим отцом. — Как вы узнали о провале? — Мне сказал Арнольд Шюман. — Как он сам отнесся к провалу? — Очень напуган. А когда был арестован моей отцом, он потребовал, чтобы я немедленно ушла на Запад.

— Извините, но нескромность, но, видимо, у вас с Шокиманом были какие-то отношения? — Он за мной ухаживал.

— А вы? — Я любила другого человека. Советского офицера.

— Но как! — Хаусон пристально всмотрелся в Посьельскую. — А Шокиман знал об этом?

— Все знали. Я этого не скрывала. Меня посылали бежать на многих, да я на моего друга...

— А именно? — Утром того дня, когда я ушла на Запад, ко мне в институт прибежал его сослуживец, тоже советский офицер. Он сказал мне, что мои друзья крупные неприятности на службе. Арестованы какие-то люди, с которыми он будто бы был связан. Офицер больше ничего рассказать не мог и только передал мне вот эту записку. — Наташа вынула из-за оградки кончик аккуратно сложенной бумажки и протянула ее Хаусону. На листке из блокнота торопливо, по-немецки, было написано следующее:

«Дорогая Аня: у меня очень серьезные неприятности. Настоятельно серьезнее, что я умоляю тебя сегодня же уйти на Запад. Об этом узнавал я там же, в коммандуре. Если эта записка дошла до тебя, то, когда ее принес, благодарю за то, что он верный друг — мой и твой. Скоро увидимся. Целую крепко. Твоя Микхель».

— Это очень интересно! — прочитав записку, сказал Хаусон. — Какое знание у васного друга?

— Капитан. Капитан Скворцов.

— Где он служит? — Этого я не знаю. Мне известно, что он работает в штабе.

Посьельская прекрасно видела, что с каждой новой деталью Хаусон все хуже владеет собой и уже почти не старался скрывать, насколько интересны и важны для него эти сообщения.

— Как вы думаете, когда он может прийти? — нетерпеливо спросил Хаусон.

— Принесший записку офицер сказал, что в субботу у него будет какое-то партийное собрание, на котором решится судьба Скворцова.

27

Субботин, он же Скворцов, явился в коммандуру за полночь и сразу заметил, что его здесь ждали.

— Не уселся он, заполнить регистрационную карточку, как в коммандуре прибыл майор Хаусон.

— Вы поступили правильно, капитан Скворцов. — Хаусон обнял Субботина за плечи и провел в другую комнату.

— У меня имею честь разговаривать? — настороженно спросил Субботин.

Хаусон засмеялся: — Не нужно так официально, капитан. Скажите так. Я тот человек, которому Аня Лорх сказала, что вы можете доверить некоторые ваши тайны.

— Где она? — быстро спросил Субботин.

Хаусон посмотрел на часы и подмигнул. — Сейчас она, наверное, крепко спит в своей комнате, где будет жить и вы. Нам придется еще пободствовать. Готовы ли вы ответить на несколько вопросов?

— Пожалуйста, — устало произнес Субботин. — Чем для вас окончилось партийное собрание?

— Меня исключили. Вперед! — отправка на родину.

— Какие обвинения вам были предъявлены? Только, пожалуйста, поточнее.

— Вы исключены из рядов друзей с немкой Аней Лорх, будто бы связанной с какими-то арестованными заговорщиками. Это — главное. Потом спекуляция в западной зоне.

— Это тоже было? — быстро спросил Хауссон

В какой-то степени да. Субботин усмехнулся. — У меня, например, намечалось солидное дело с вашим полковником по фамилии Купер.

Хауссон подумал и сказал: — Пока у меня все. Сейчас вас отведу в отель, где вы будете жить. Отдыхайте. А завтра вернемся к делам.

На другой день утром Субботин в ресторане встретил с Посельской. Они знали, что их встречу наблюдают, и вели себя так, как могли вести влюбленные, и наконец наконец друг друга. За завтраком Субботин не сводил глаз с Посельской.

Со мной Хауссон говорил, — поглаживая руку Наташи, тихо рассуждал Субботин. — Задать мне несколько вопросов. Думаю, что сейчас он пытается проверить.

Субботин не ошибался. Хауссон действительно занимался проверкой. Прежде всего — полковник Купер. Натурально, он же, как образовался Хауссон, установив, что среди американских военнослужащих, занимающихся в Берлине экономической разведкой и валютной войной, имеется капитан Джайс, носивший кличку «полковник Купер».

Очная ставка Скворцова и Купера была обставлена с большой хитростью, исключавшей всякую случайность во взаимном опознавании друг друга.

Субботин привел в комнату, в которой были три двери: одна в коридор, а две — в соседнюю комнату. Его посадили на диван, стоявший у стены в соседнюю комнату. Хауссон сидел за столом и что-то писал. И вот в дверь появился «полковник Купер». Он медленно прошел через комнату и в упор посмотрел на Субботина. Через минуту звонил телефон. Хауссон послушал, сказал: «Хорошо, зайдите». «Полковник Купер» вернулся, прошел мимо Субботина к столу Хауссона.

— Скажите, капитан, вы лично не знакомы с этим человеком? — спросил Хауссон, показывая на Купера.

Субботин улыбнулся. — Я не знаю, помнит ли полковник Купер, во у отлично помню мою с ним встречу. Полковник был чрезвычайно осторожен, — засмеялся Субботин. — Хотя мои сведения и не состоялись, мне все крепко запомнилось.

— Но вы же были штатский? И были немцем? — сказал Купер.

— Я был бы полным идиотом, если бы завылся спекуляцией в форме русского офицера.

Оба американца засмеялись. — Вы свободны, — сказал Хауссон Куперу, и тот ушел. — Ну, капитан, продолжим наш разговор и я постараюсь вести его как можно более открыто. У меня к вам такой вопрос: знаете ли вы некоего лейтенанта Ковалькова?

— Слышал что-то. Его позитивно из восточной — разведкой отделил Субботин. — Он из другого отряда штаба. Я ведь работал в отделе, ведавшем инженерными войсками, а тот лейтенант, если не ошибаюсь, в отделе по связи с немецкой администрацией.

— Да, вы не ошибаетесь, — рассмеяно произнес Хауссон. — Скажите, капитан, верует ли в Восточную Германию из России продовольствие?

— Это известно всем. Верует, и много. — Нет, это не может быть, что это пропалагада? — Нет. Об этом, кстати, в газетах вообще не пишут.

— Ах, так? Значит, немцы могут этого и не знать?

— Да. Но хлеб, масло, сахар есть. А это тоннее и вкуснее газетных сообщений.

— Ну, а если население знает, что хлеб и масло стоят Германия вывоза всех ее национальных ценностей?

— Это, конечно, сказать можно, — усмехнулся Субботин, — только сделать надо очень легко.

Хауссон задумался, пытаясь смотреть на Субботина. В этого офицера он видел все больше. Жаль только, что он не Ковальков, который наверняка знает много, но молчит. И вдруг возникла мысль: а не поручить ли этому офицеру обработку Ковалькова?

(Продолжение следует).

УВОЛЬНЕНИЯ СЕГОДНЯ НЕ БУДЕТ

ФИЛЬМ О ПОДВИГЕ

Фото студента ВГИКа В. Пономарева.

Улицы пусты. Наглухо закрыты ставни домов, двери магазинов, столовых, кафе, даже не пристроено. Из городского района уходит последние группы жителей... И вдруг над толпой эвакуирующихся разносится голос: — Внимание! Съемка!..

Что это? Съемки фильма о событиях Отечественной войны? Нет, это что происходит сегодня перед объективом кинокамеры, отображает событие всего лишь годичной давности, которое особенно памятно жителям Курска.

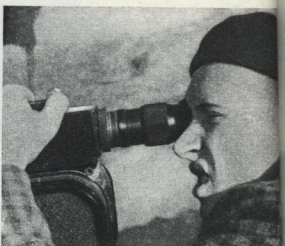
17 октября 1957 года в районе гипсового завода эвакуирован Николай Шергунов извлек из земли артиллерийский снаряд. А через несколько часов город облетела жуткая весть: под землей найден огромный склад боеприпасов, оставленный немцами-фашистскими оккупантами. Городу грозила опасность. Прошло, однако, немного времени, и страшная опасность под городом была обезврежена. Жизнь вошла в нормальную колею.

Кому же обязан Курск избавлением от страшного угрозы? Вот об этом-то и рассказывает кадры нового кинофильма «Увольнения сегодня не будет», который снимали студенты Всесоюзного института кинематографии.

Режиссером этого фильма, студентам мастерской Михаила Ильича Ромаша — сыну Гордон и Андрея Тарковского, — связывают учебу на одном и том же факультете и, конечно, самые головоуражающие творческие планы. Впереди предстали курсовые работы, и хотелось выбрать тему наиболее интересную, значительную. И вот сама жизнь подсказала ее! Вместе с дипломатичным сценаристом факультета Инной Маховой друзья поставили перед собой задачу — не только правдиво отобразить патристический подвиг группы советских воинов, но и раскрыть природу этого подвига.

Прежде чем начать писать сценарий, молодые кинематографисты выехали в Курск. Саломею волонтерам и, пожалуй, решившим о судьбе сценария оказались встречи с офицерами Горелником, Поротиковым, Ивашенко, Селивановым, Героем Советского Союза полковником Дивсаным, рядовым Солдовниковым и многими другими участниками разминирования.

Работа над сценарием окочена. К режиссерам присоединились операторы — студенты-дипломники Лев Бунин и Эрнст Яковлев, затем художники и молодые мастера киноинститута: Н. Голозина, И. Тарковская, И. Косунин и Л. Куряев.

— Внимание! Начали...

...Барану сжимают крепкие руки. За рулем автомашины Николай Солдовников. Он ведет машину плавно, точно за его спиной смертоносный груз. Но угроза уже взорван, и сейчас Николай едет порожняком за очередной «порцией» мин.

— Устал? — спрашивает капитан.

— Нет! — Ну, тогда жми на всю железу.

Капитан вынимает спичку и с шумом, точно радуясь возможности закуристь, зажигает ее. И толпы артезиан руки солдата, те руки, которые еще за минуту до этого бегстрасно и споконно несли снаряды и мины. Машина резко вылинула в сторону... Казались бы, мелкий штрих — зажженная спичка! Но эта маленькая деталь запомнится, хорошо передаст настроение. Да, не выдержали напряженные до предела нервы — и вот разрядка!

Роль водителя бронетранспортера комсомолец Николай Солдовников играет студент театрального училища имени Щепкина комсомолец Вячеслав Любынин. Он шофер-любитель, и это обстоятельство сильно помогло молодому артисту.

...После долгой и опасной работы по разминированию все снаряды вывезены из мины. Туда прыгает рядовой Кокузанд (его роль играет студент ВГИКа Игорь Сиднев). Он бежит по изрытой земле и в радостном испуге топчет ее. Нет, земля Курска больше не угрожает смерти! Режиссером и оператором отлично удалась эта кадры.

Были при съемках фильма и трудности. Многие эпизоды приходилось переснимать десятки раз, а тут еще в студии случился бавд: около пятисот метров пленки при проваляции пошло в брак. Надо было заново работать над кадрами.

Скоро фильм о подвиге советских воинов увидят тысячи зрителей.

Р. РОЗОВА

Рабочий момент съемки.

Случай, о котором я хочу рассказать, произошел в сибирской тайге несколько лет назад. В то время я занимался созданием краеведческого музея в городе Сталинске. Особенно много хлопот доставляли сборы экспонатов для отдела биологии и зоологии. Большую часть этих экспонатов приходилось добывать своими руками в тайге.

Тот, кто бывал в краеведческом музее Сталинска, может быть, обращая внимание на чучело орлана, я хочу рассказать с великим трудом и риском для жизни удалось мне добыть эту молодую, годую и сильную птицу.

Узнав от охотника-зырянки Ивана Власова о том, что в Чурае, устроившие свои гнезда на верхних больших кедров, я попросил его доставить орлиных цыплят.

— Показать гнездо — поужу, но доставать орлят отказываюсь, — сказал Власов. — Орляка убьет. Лучше пойду против трех медведей, чем полезу за орлятами.

Но мне хотелось во что бы то ни стало изготовить чучело орла для будущего музея. Взяв отпуск, я собрал все необходимое: ружья, ножи, даже пистолет, и мы с Власовым отправились к Баудинскому ключу, где водились орлы.

Когда мы спустились в долину реки, Власов показал рукой на один из огромных кедров:

— Смотри, Георгий! Степенович, вот орлиное гнездо. В воздухе парили два орла. Подойдя к кедру, мы вслугинули целую стаю ворон. Вороны — постоянные спутники орлов. Как гиены и шакалы поедают остатки пищи львов и тигров, так и вороны питаются остатками пищи орлов.

Вскоре мы увидели еще один вятский кедр, на верхние коготки которого также было орлиное гнездо. По этим кедрам мы расположились на ночлег.

Орлы парили на различной высоте. Их жу было не меньше двести. Власов, раскладывая костер, говорил:

— Орел — божественная птица. Это царь над всеми птицами. Он обладает такой силой, что может сразу убить. Ты, однако, сильный; на личинке два пуда подержишь. Но ты осторожен. Если хочешь лезть за орлятами, сначала изучи повадки орлов.

Облюбовав два гнезда, мы начали следить и изучать, когда и на каких деревьях орлы отлучаются за добычей. Через три-четыре суток установили, что орлы-орлятки улетают за добычей рано утром, часов в семь, и отсутствуют не меньше часа двадцать минут. В течение двух дней я тренировался взбираться на кедр. Первая попытка достигнута вершины продолжалась около часа, но постепенно время, затрачиваемое на эту операцию, уменьшалось до тридцати пяти минут. Теперь можно было успеть в отсутствие орлов добраться до гнезда и снять птенцов.

Охота, которую я затеял, тогда себе большая опасность: кедровый орлы огромной высоты, гнездо находилось на самой верхушке. Я еще раз предложил Власову, как опытного охотника, отпустить меня за орлятами, но Власов возразил. И снова он повторил отказался...

Г. БЛЫНСКИЙ

БОЙ С ОРЛАМИ

Быль

— Я умирать не собираюсь. Тебе охота — что ж! Вольному воля...

Смеркалось. Закат горел яркими красками, предвещая на завтра верную погоду. Я долго не мог заснуть: думал о затрещавшей скалке с орлятами. А что, если орлы захватят меня у гнезда! Тогда смерть! Орел спленирует с высоты, ударит граулою или когтями. Такого удара человеку не выдержать не только на дереве, но и на земле...

На другой день, едва дождавшись утренней зари, мы отправились к намеченному кедру. Договорились, что Власов будет внимательно следить за кедром и в случае необходимости отстреливать орлы еще были в гнезде. Минут через двадцать один из них поднялся и, описав круг, улетел на юго-запад. Вскоре за ним последовал и второй.

Добравшись до верхинки промалодного кедров, я осмотрел гнездо. Снизу оно было обмыто несколькими мелкими гнездами каменного стрижа. Стрижи жили и выводили здесь птенцов, надеясь таким образом обезопасить себя от нападения порятых хищников.

Вниз я старался не смотреть. Высота вынуждала головокружение. Кругом до самого горизонта шумело зеленое море, переливаясь всеми оттенками смешанного леса.

Я обнял левой рукой суку и крепко ухватился за пусок. Попробовал самою устойчивости. Казалось, все было в порядке. Но бес-

покойство не проходило. Его усиленно каркали вороны, крик орла и крики стрижей, слетавших на защиту своих гнезд.

Как только я перенутил руку через край гнезда, орленок сразу ухватил клювом мой палец и когтями ахнулся в кисть руки. Я его вытащил. Кровь струилась из ран, но я не ощущал боли. Ирадою позволивши, я засунул упрямца в рюкзак. Второго орленка оказался еще более смелым. Клювом он схватил мои пальцы, содрал с них кожу, а когтями с такой силой сжал кисти руки, что я усомнился в успехе дела...

С большим трудом я вынул его в рюкзак, но орленок не разжигал клюва. Да, лучше на трех медведей идти, чем за орлятами...

Мелькнула мысль о прилете орлов. Я глянул вверх. В небе носились только вороны да беспокойные стрижи. Размышлять было некогда. Я начал давить орленка, и только с трудом удалось вырвать руку. Оны сильно кровоточила. Задержу шнурок рюкзака, намереда начал спускаться.

Вдруг меня, как вихрем, рвануло слева направо. Я глянул — орел! Он шел вправо из тени дерева на когтях крупного пестрого ягтенка. Поднявшись метров на пятьдесят, орел вынул из когтей добычу, повернул голову налево, опронулся через крыло и с яростным криком, поусогнувшись крыльями, пошел прямо на меня. Я обхватил руками толстые суку, а голову спрятав в ветях.

Орел спленировал мгновенно и

ударил меня в правое плечо. От сильного толчка я не мог удержаться. Правая рука сорвалась, и я мотнулся, повернувшись и ставлю боком. Толчок хорошая опора под ногами удерживала меня от падения. Орел проползал когтями куртку. Я глянул в небо. Орел повторил свой маневр.

Шляя, словно задираясь, он с новой силой обручился на меня. От удара в спину я едва удержался. Орел рванул когтями рюкзак, но безуспешно и снова замыл в небо. После третьего удара орла я почувствовал боль в плече, разорванная рубашка прилипла к ранам.

Орел делал заходы так быстро, что я не мог сообразить, какие меры предпринять. Лишь на четвертом заходе я вспомнил про нож. Это был отличный охотничий нож, с которым не страшно было идти и на медведя. Как только орел стал приближаться, я прижался к стволу, выставляя вперед свое оружие. Орел налетел прямо на лезвие. Нож полетел вниз... От сильного удара у меня сорвались и левая рука, я опронулся назад и не мог вырваться со своим оружием. Лишь то, что солонги мои были закреплены в суку, как в стреленях. Через минуту я выпрыгнул, спрятав голову меж ветвей и робко посмотрел в небо. Орел шел в писк, но без прежнего азарта. Видимо, он был ранен. Вскоре появился второй орел. Он тоже стал пиковать и нападать, но не задевал меня, а проносился на метрах-два выше головы. Второй орел был меньше первого. Значит, первый был самкой; у хищников самка крупнее самца и активнее...

От сильного напряжения у меня затекли руки, встал их расправить. Отдохнув минут пять, начал спускаться. Самец продолжал пиковать, а самка с жалобными криками села в гнездо. С наступившим землем, я свалился набок. Иван шотро и локко снял рюкзак, помог мне лечь на плащ, пролил раны спиртом, смазал йодом, забинтовал руки и плечо.

— Я видел, как ты достал орлят, — начал рассказывать Иван, — как повисать орел. Мне стало страшно, очень боялся за тебя. Но по почему-то ни разу не выстрелил.

Только при этих словах я вспомнил про пистолет. Вот оно как бывает! Ведь не то что на кедр, но и спустившись вниз, я не вспомнил про свое оружие.

— А ты почему не стрелял? — спросил я.

— Стрелял шесть раз, когда орел взлетел в писк.

— Я не слышал ни одного выстрела.

— Это бывает. Все забываешь, ничего не слышишь, когда смерть кирется над тобой.

После пережитого какой чудесный радостный оказался в лесу тыщину Радавола все: дымок костра, журчащий ручей, легкий ветерок. И тогда я спросил себя: стоило ли подвергаться опасности ради того, чтобы в будущем краеведческом музее были чучело орлы? Спросил и ответил: да, стоило! Орлы были отсутствующим звеном в цепочке экспонатов, по которой можно было узнать природу родного Кузбасса.

А насчет опасности скажу: жизнь прекрасна только для сильных волей и крепких дюков.

КИТАЙСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Учиться — все равно, что грести против течения: только перестанешь — и тебя несет назад.

Не терять времени напрасно: молодость пройдет, не воротится.

В мире нет трудных дел — нужны лишь усердные люди.

Несколько лет упорного труда — десять тысяч лет счастья.

Каждая неудача делает нас умнее.

Когда вешь воду, не забывай тех, кто вырыл колодец.

Даже самые высокие башни поднимаются с земли.

Перевел Ван ГУЭН-ТАН.

ОТРАВИТЕЛИ

Книжка небольшого формата. Любочный рисунок на обложке изображает охваченный пожаром фабричный район города, на который направлены три бомбардировщика. В левом углу обложки, рядом с названием книги, — рисунок солдат в форме Вьетнама, идущих в атаку. На обложке не хватает только самолета. Впрочем, не замечают ирисе фотокарты, изображающие вьетнамцев на войне. В центре обложки — рисунок вьетнамца, идущего в атаку. В центре обложки — рисунок вьетнамца, идущего в атаку.

В центре обложки — рисунок вьетнамца, идущего в атаку. В центре обложки — рисунок вьетнамца, идущего в атаку. В центре обложки — рисунок вьетнамца, идущего в атаку.

В центре обложки — рисунок вьетнамца, идущего в атаку. В центре обложки — рисунок вьетнамца, идущего в атаку. В центре обложки — рисунок вьетнамца, идущего в атаку.

«ПОЩАДИТЕ НАШ МОЖЕВЕЛЬНИК»

Западнотермские любители природы крайне недовольны антигитлеровскими тиннисами, которые дислоцируются в разных районах Боннской республики. Недовольство возросло еще больше после того, как во время учений и маневров в западной Боннской республике тысячи тиннис полкомали изгнаны с территории своего родного зеленого насаждения.

Как рассказывает западногерманский зоологический «дер вильгельм», молодые тиннисы, расставленные на территории Западной Бонны, в которых аршинные деревья насаждения не разрушить ни какими-либо средствами, ни топиче, так профессионалы.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 20

По горизонтали:	По вертикали:
5. Ремесленер. 7. Неродилась.	1. Репортаж. 2. Эрмитаж.
9. Оран. 10. Пинет. 11. Хищ. 12. «Параване». 17. Жареный.	3. «Либерал». 4. «Дипломат».
18. Фортит. 19. Полно. 20. Миссия. 24. Индикатор. 27. Лес.	6. Иван. 8. Гит. 12. Радио. 13. 5. Августин. 14. 5. Крощ. 16. Тинес. 19. Палеонтолог. 21. Форт. 22. Пинес. 23. Каргун. 25. Додэ. 26. Вроч.
30. Силенбус. 31. Ланьчунь.	

Либерт решил спасти хотя бы часть книг. Бессмысленно рисковать разоблаченным, начал под одеждой переносить книги домой...
Большими натуральными руками Либерт завернул лежавший у него на полу сверток. Вот она, советская книга, спрятанная в простом обложке рабочим. Файнштеттер и вместе с другой литературой из библиотеки Украинского института всевозможных наук имени Губайшича. На книге сохранился фабричный штамп печати и инвентарный номер 28903. На обложке книги — рисунок главного героя и заглавие — «Механизация сельского хозяйства».

Старый рабочий передал нам книгу и сказал: «Вера в нашу победу помогла мне в те страшные дни... Мне очень хотелось чем-нибудь помочь советским людям. Я был уверен, что

книжка небольшого формата. Любочный рисунок на обложке изображает охваченный пожаром фабричный район города, на который направлены три бомбардировщика. В левом углу обложки, рядом с названием книги, — рисунок солдат в форме Вьетнама, идущих в атаку. На обложке не хватает только самолета. Впрочем, не замечают ирисе фотокарты, изображающие вьетнамцев на войне. В центре обложки — рисунок вьетнамца, идущего в атаку. В центре обложки — рисунок вьетнамца, идущего в атаку.

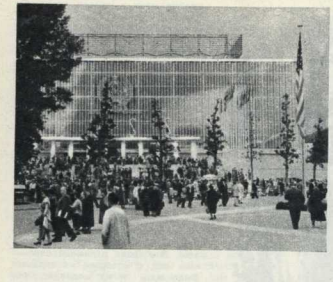
Я часто прихожу в Советский парк и каждый раз от души радуюсь. У нашей страны много друзей.

Ю. ПОЛЮКОВ
Фото автора.

Западнотермские любители природы крайне недовольны антигитлеровскими тиннисами, которые дислоцируются в разных районах Боннской республики. Недовольство возросло еще больше после того, как во время учений и маневров в западной Боннской республике тысячи тиннис полкомали изгнаны с территории своего родного зеленого насаждения.

Как рассказывает западногерманский зоологический «дер вильгельм», молодые тиннисы, расставленные на территории Западной Бонны, в которых аршинные деревья насаждения не разрушить ни какими-либо средствами, ни топиче, так профессионалы.

Загтрак.
Фото П. Носова.

КНИГА № 28993 ПИСЬМО ИЗ БРЕСЛЯ

Полгода, с апреля по октябрь, в столице Бельгии работала Всемирная выставка 1958 года. В павильоне СССР нередко происходили волжские встречи с простыми людьми всех стран мира. Об одной из таких встреч мне и хочется рассказать.

...С площадки Наций по широкой лестнице, ведущей к главному входу Советского павильона, непрерывно потоком текла человеческая река. Бельгийские шахтеры и крестьяне, американские коммерсанты, немецкие студенты, представители самых различных народов и профессий входили в павильон. Многие расхаживали в костюмах хрустального цвета. В этой реке в одном по направлении галька, в другом — прижимая к груди или к бумаге свертки. Старик, видимо, пришел сюда не в первый раз, потому что уверенно направлялся в одну из ступенчатых павильонов.

Через несколько минут оба они входили в помещенный пресс-центр советской секции. По возбужденному лицу нашей сотрудницы можно было понять, что случился не обычный посетитель.

— Генрих Либерт, — предостерегает он, спешая шлепать по тротуару. Словно толстые стволы добрых очков скрывают доброе сердце главы делегации. Тут же почувствовалось столько дружеской теплоты и силы, что мы сразу почувствовали и гостя симпатично. И даже не знаю, как назвать, — смущенно произнес старик, перебив в руках свою шляпу. Начну, пожалуй, вот что мы услышали историю подвига бельгийского патриота и искреннего друга нашей страны — югославского про-

летария Генриха Либерта, подвига совершеного в годы войны с немецко-фашистскими захватчиками. Сейчас Либерт 68 лет, следовательно, в те годы ему уже минуло пятьдесят.

После оккупации Бельгии германская администрация решила использовать бельгийских промышленных потенциал для нужд «стрелкового рефля». При мелании фрезерочной пылевой задиризации, навалы был Либерт безусловно, назвал бы себе применение. Но старый рабочий решил иначе. Когда оккупанты начали проводить мобилизацию рабочей силы, он скрылся от них своего профессия, хотя ему было хорошо известно, как поступали немцы с такими людьми.

Оккупанты отправляли Либерта работать истопником в один малярный цех.

— Будешь топить вот этим, — приказал он. В углу двора в беспорядке были свалены груды дров.

Раскачиваясь, остановился на минуту и, сев на скамью, устремил свой взгляд далеко в пространство, словно вновь увидев эту вырубку кучи разбросанных книг и гудящий по их страницам ветер.

И я сразу понял, откуда эта литература, хотя она и была на немалом месте языка. Тут были дикта, биографии и иллюстрации многократных изданий о том, что они из Советской России.

Первая в ряду павильонов — это хребет Сенсого (Юго-Западный Кавказ) в годы Криворозова.

И в старейшей границе обложки: Концерт художественной самодеятельности молодых рабочих треста «Мараудстрой», Комсомольца Гора Алешина и старейшей российской газетной вдова.

Главный редактор М. А. Вельчко.

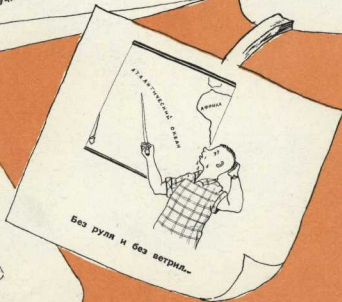
Оформление В. Урина.

Рукописи не возвращаются.

ДЕЛА

СТУДЕНЧЕСКИЕ

Рисунки И. Тюкавина,
студента Московского
педагогического института.

Цена номера
2 руб.

